

А д и б Х а л и д

СОЗДАНИЕ УЗБЕКИСТАНА

Нация, империя и революция
в раннесоветский период

Современная
западная русистика

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Адиб Халид

**Создание Узбекистана.
Нация, империя и революция
в раннесоветский период**

«Библиороссика»

2015

УДК 94(575.1)
ББК 63.3(5Узб).61

Халид А.

Создание Узбекистана. Нация, империя и революция в раннесоветский период / А. Халид — «Библиороссика», 2015 — («Современная западная русистика» / «Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-6046149-9-0

В своей книге «Создание Узбекистана» профессор истории Карлтон-колледжа (США), ведущий специалист по Центральной Азии Адиб Халид рассматривает непростые взаимоотношения узбекской интеллигенции, местных большевиков и Москвы. Для автора новое узбекское общество — не просто результат Октября, но и итог реализации национального проекта, возникшего задолго до 1917 года. А культурная революция оказывается вовсе не только — и не в первую очередь — социалистической, но и в существенной степени мусульманской. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(575.1)
ББК 63.3(5Узб).61

ISBN 978-5-6046149-9-0

© Халид А., 2015
© Библиороссика, 2015

Содержание

Выражение признательности	6
Технические примечания	8
Номенклатура	8
Имена и географические названия	10
Сокращения	11
Введение	12
Новая история Средней Азии	14
Нация, прогресс и цивилизация в революционную эпоху	16
Между империей и революцией	18
Мусульманские интеллектуалы и их общество	21
Создание наций и национальные проекты в Советском Союзе	23
«Чагатаизм» и создание Узбекистана	25
Культурная революция	29
Советский Союз: взгляд с далекой окраины	31
Всемирное и местное	32
Примечание об источниках	34
Глава первая	37
Авторитет и лидерство в мусульманском обществе	39
География реформы	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Адиб Халид
Создание Узбекистана. Нация, империя
и революция в раннесоветский период

Посвящается Харуну и Лейле – со всей любовью

Adeeb Khalid
Making Uzbekistan
Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR

Cornell University Press
Ithaca and London
2015

Перевод с английского Ксении Тверьянович, Анастасии Рудаковой

Copyright © 2015 by Cornell University This edition is a translation authorized by the original publisher.

© Adeeb Khalid, 2015

© К. Ю. Тверьянович, А. А. Рудакова, перевод с английского, 2021

© Academic Studies Press, 2021

© Оформление и макет. ООО «Библиороссика», 2022

Выражение признательности

За те полтора десятилетия, что я вел исследования для этой книги, у меня накопилось очень, очень много долгов перед разными людьми и организациями. Благодаря поддержке Национального фонда гуманитарных наук, Американских советов по международному образованию, Американского совета научных обществ, Нью-Йоркской корпорации Карнеги и Фонда Джона Саймона Гуггенхайма я получил ценнейший ресурс – время, свободное от преподавательской нагрузки. Премия для приглашенных выдающихся ученых от Центра имени Джона Клоге при Библиотеке Конгресса США обеспечила мне в 2010–2011 годах безмятежные шесть месяцев работы. На то, чтобы закончить эту книгу, ушло больше времени, чем я обещал своим грантодателям. Благодарю их всех за терпение и надеюсь, что результат стоил ожидания.

Выражаю признательность семье Пуллада за приглашение прочесть в октябре 2010 года серию Мемориальных лекций в память о Леоне Б. Пулладе в Принстонском университете. Благодаря этим лекциям у меня появилась возможность продумать общую структуру книги. Краткий *sejour de recherches* в парижском Фонде наук о человеке в июне 2010 года поспособствовал моему плодотворному сотрудничеству с французскими коллегами и дал мне возможность поработать с архивом Мустафы Шокая. Кроме того, я признателен многочисленным слушателям моих докладов и презентаций, основанных на материалах этого проекта, за их комментарии и вопросы. Самым плодотворным оказалось мое выступление в Русском историческом кружке в Беркли, которое состоялось в марте 2012 года. Комментарии членов этого кружка привнесли ясность в мои мысли и дали мне толчок к завершению книги.

Материалы главы 4 отчасти были изначально опубликованы в статье [Khalid 2011]. В главу 12 вошли материалы, впервые опубликованные на русском языке, в статье [Халид 2011].

На протяжении всех этих лет я пользовался помощью, одобрением, поддержкой, советами друзей и коллег и благодарен им за это безмерно. Особенно я признателен тем, кто поделился со мной ценными и труднодоступными материалами. Шошана Келлер предоставила мне свои выписки из ташкентского архива коммунистической партии, в котором ей удалось поработать в 1991–1992 годах и который оставался с тех пор недоступным для иностранных ученых. Все цитаты с пометой «ААП РУз» в главе 11 были получены благодаря ей. Без ее подарка эта глава выглядела бы совсем иначе. Стефану Дюдуаньону я признателен не только за беседы, которые навели меня на многие мысли, и не только за его неизменное, поистине волшебное гостеприимство, но и за то, что он дал мне цифровую копию всех выпусков «Шуь-лаи инкилоб» – самаркандского журнала, выходившего на персидском языке. Помимо прочих любезностей, которые оказал мне в Ташкенте Шерали ака Турдиев, он также предоставил мне копии двух машинописных автографов Лазиза Азизоды, написанных им уже на пенсии и, что называется, «в стол». Я глубоко сожалею, что Шерали ака не дожил до завершения этой книги. Ринат Шигабдинов, Элёр Туракулов (Мусабаев) и Эргаш ака Умаров были очень добры ко мне и очень мне помогали в Узбекистане. Акрам Хабибуллаев помогал мне дружбой и советами во все время работы над этим проектом и поддерживал меня самыми разными способами. Брюс Грант сделал больше, чем полагалось бы по долгу дружбы, и целиком вычитал последний черновик рукописи. Шахзад Башир выслушивал мои нескончаемые монологи об этом проекте и постоянно давал мне мудрые советы. Эта книга была бы гораздо хуже без помощи и поддержки Сергея Абашина, Лоры Адамс, Муниры Аззут, Бахтияра Бабаджанова, Майкла Дэвида-Фокса, Клои Дриё, Адриен Эдгар, Геро Федтке, Венсана Фурньё, Владимира Гениса, Нуманджона Гафарова, Франа Хирша, Питера Холквиста, Марианны Кэмп, Эмина Лелича, Терри Мартина, Криса Мерфи, Дугласа Нортропа, Мадлен Ривс, Джеффа Сахадео, Паоло Сартори, Пола Стронски, Барно опа Умаровой, Франца Вейнберга и Томохико Уямы. Волкер Адам, Мэйхилл Фоулер и Артемий Калиновский помогли мне в сборе библиографии и получении

копий важных материалов. Коллеги по Карлтон-колледжу многие годы помогали мне самыми разными способами; особая благодарность Скотту Карпентеру (который высказал пронизательные соображения по одной из глав), Сюзанне Оттавэй и Дэвиду Томпкинсу.

Роджер Хейдон с большим знанием дела провел рукопись через все этапы рецензирования и публикации. Было очень приятно в сотрудничестве с ним превращать этот, казалось бы, бесконечный проект в книгу. Одним из значительных достижений Роджера стало то, что он нашел для моей рукописи превосходных читателей, чьи комментарии очень мне помогли на последнем этапе. Билл Нельсен нарисовал для этой книги прекрасные карты. Благодаря Сюзан Барнетт, Карен Лон и Эмили Пауэрс процесс публикации был сплошным удовольствием.

Все эти годы Карлтон-колледж был замечательным местом для работы. Крупный грант, выделенный в 2000–2001 годах на развитие профессорско-преподавательского состава, дал мне возможность на начальном этапе погрузиться в архивную работу. Затем колледж с большой щедростью предоставлял мне творческие отпуска и оказывал поддержку в поездках с целью научно-исследовательской работы. Я счастлив отметить неопределимую помощь со стороны Кафедры исследований и истории Азии имени Джейн и Рафаэля Бернштейнов. В 2000–2001 годах меня принимал Институт истории Академии наук Узбекистана, а IFEAC, Французский институт исследований Центральной Азии, подарил мне прекрасное коллегиальное окружение. Кроме того, я хотел бы выразить признательность сотрудникам учреждений, в которых я выполнил основную часть исследовательской работы: Центрального государственного архива Узбекистана, отдела редких книг Национальной библиотеки Узбекистана имени Алишера Навои, а также Института востоковедения имени Абу Райхана Беруни в Ташкенте; Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории и Российской государственной библиотеки в Москве; Библиотеки Конгресса США в Вашингтоне (округ Колумбия); Британской библиотеки в Лондоне; библиотеки «Atatürk Kitaplığı» в Стамбуле. Славянская справочная служба Иллинойского университета в Урбане-Шампейне очень эффективно отвечала на мои многочисленные вопросы. Огромное спасибо за помощь и сотрудникам межбиблиотечного абонемента в Библиотеке имени Лоуренса Маккинли Гулда в Карлтон-колледже и Брэду Шаффнеру, заведующему библиотекой колледжа.

И разумеется, в особенном долгу я перед теми, кто больше других пострадал от этого проекта, а именно перед моей семьей. Когда я взялся за эту книгу, Лейла еще даже не родилась, то есть она никогда еще не видела, чтобы ее отец не был поглощен этой работой. Она, конечно, рада, что конец уже близится. Харун с достоинством перенес все тяготы проживания в странной квартире № 4 и фактически вырос вместе с этой книгой. Для меня большое облегчение, что книга окончена, пока он еще учится в университете. Шерил была моей путеводной звездой с того самого дня, как мы познакомились. Без ее любви и поддержки ничего бы не получилось. Мой долг перед ней невозможно описать словами.

Технические примечания

Номенклатура

В этой книге рассматривается период, когда этнические и национальные разграничения и самоназвания активно изменялись. По мере возможности я старался использовать номенклатуру, характерную для изучаемого периода, и не проецировать на него современные обозначения. До 1917 года население, о котором здесь идет речь, чаще всего называли «мусульманами Туркестана». Слова «мусульманин», «мусульманский» относятся в этой книге именно к населению. Они не указывают на непререкаемую принадлежность к исламу – ни в религиозном, ни в политическом смысле. Позиции мусульманских интеллектуалов, о которых здесь говорится, в отношении ислама были очень разными – от требования реформ до полного отвержения. Кроме того, для обозначения этого мусульманского населения я использую термины «коренное» и «местное» население – как взаимозаменяемые. «Местные» чаще всего противопоставлялись «европейцам» – переселенцам, которые стали приезжать после российского завоевания. В основном это были русские (до 1917 года в это понятие включаются также те, кого теперь мы называли бы украинцами), но встречались среди них и поляки, и немцы, и ашкенази, и представители других национальностей – выходцы из европейской части империи. В повседневной жизни эти «пришлые» имели много общего друг с другом и четко отделяли себя и друг друга от местных. Говоря «европейцы», я имею в виду «пришлых» как некое единство, но иногда для простоты называю их «русскими» – в том же смысле. Такое использование терминов служит важным напоминанием о том, что значения слов «Европа» и «европейский» не зафиксированы раз и навсегда: в зависимости от времени и места они изменяются.

Средняя Азия стала местом встречи двух языковых традиций – тюркской и персидской. Тюркская, с одной стороны, противостояла персидской, с другой – подразделялась на ряд диалектов, которые к началу двадцатого века стали самостоятельными языками. В дореволюционное время термин «узбекский» был общеупотребительным в отношении современного литературного тюркского языка Среднеазиатского Двуречья, – в этом значении я его и использую. И напротив, как я показываю в главе 9, термин «таджикский» до 1924 года не использовался для обозначения персидского языка, на котором говорили в Средней Азии, – его называли «персидским» (фарси). Этот термин я использую, говоря о периоде до создания Таджикистана. Русские термины «киргиз», «киргизский» до 1925 года применялись к народам, которые сами себя называли казахами и кыргызами. В зависимости от контекста я заменял его соответственно на «казахи и кыргызы» («казахский и кыргызский») или на «казах» («казахский»). Таким образом первая казахская автономная республика, созданная в 1920 году, называлась Киргизской республикой (или Киррес-публикой). Я называю ее Казахской Республикой.

С прекрасным обзором политико-административной структуры СССР в 1920-е годы можно познакомиться в издании [Kotkin 1995: xix–xxiii]. В Туркестане (и в Узбекистане до 1926 года) существовала четырехуровневая административная система: высший уровень – область, далее следовали уезд и волость, и наконец деревня. В результате районирования в 1926 году была введена трехуровневая административная система, включающая округ, район и деревню.

В Российской империи действовало летосчисление по юлианскому календарю. Одна из большевистских реформ, направленных на модернизацию государства, состояла в переходе с 1 февраля 1918 года на григорианский календарь. Я старался избегать двойных датировок и указывал даты по тому календарю, который был в ходу во время соответствующего события или

публикации. Применительно к началу 1918 года в случаях использования юлианского календаря я использовал помету «ст. ст.» (старый стиль) в скобках после соответствующей даты.

Все ссылки на интернет-ресурсы были действительны на дату обращения: 1 января 2015 года.

Языки стран Средней Азии представлены кириллической орфографией, применяемой в настоящее время или до недавнего времени.

Имена и географические названия

В тот период, который рассматривается в этой книге, фамилии в Средней Азии только начинали входить в употребление, и не у всех они были. Многие авторы были известны под псевдонимами. Говоря о том или ином человеке, я называл его тем именем, под которым он был больше всего известен в то время (например, Муннавар Кары, а не Абдурашидханов; Чулпан, а не Сулейман; но Бехбуди, а не Махмудходжа). В 1920-е годы писатели, как правило, подписывали свои произведения псевдонимами (иногда из соображений безопасности, иногда по другим причинам) или инициалами. Я привожу имена в том виде, в котором они указаны в цитируемых трудах, но в тех случаях, когда имя автора можно с надежностью установить, я указываю его в скобках. Здесь незаменимым источником для меня стал указатель псевдонимов того времени, опубликованный, уже на склоне лет, поэтом Олтоем Бойсом Корневым. Олтоя, который сам был участником литературной жизни 1920-х годов, арестовали в 1930-м, и много лет он провел в ГУЛАГе, прежде чем смог вернуться к литературному труду – только в 1960-х (см. [Корпев 1967]). Имена авторов в ссылках и сносках транслитерированы в соответствии с правилами языка цитируемой работы. Однако в собственном тексте я всегда передаю имена в соответствии с правилами того языка, с которым в первую очередь идентифицируется соответствующая личность.

Топонимы на всей территории СССР на протяжении двадцатого века менялись неоднократно. Я использую те названия, которые использовались в рассматриваемый период. Если русские формы топонимов отличались от оригинальных (например, Алма-Ата вместо Алматы), я последовательно использовал оригинальные формы, транслитерированные с местных языков, а не русские (например, Худжанд, а не Ходжент).

Сокращения

ААП РУз – Архив аппарата президента Республики Узбекистан

ГАФО – Государственный архив Ферганской области

ГАгТ – Государственный архив города Ташкента

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАСО – Государственный архив Самаркандской области

IOR – Административный архив по делам Индии (India Office Records)

ИВАН РУз – Институт востоковедения Академии наук Республики Узбекистан

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

TNA – Национальный архив (The National Archives) Великобритании

ЦГАРУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан

ф. – фонд

оп. – опись

д. – дело

л. – лист

об. – оборотная сторона листа

ст. ст. – старый стиль (в связи с использованием юлианского календаря в 1918 году)

Введение

В книге изложена история образования Узбекистана в бурную эпоху русской революции. На протяжении полутора десятилетий после того, как в 1917 году пало российское самодержавие, местное общество менялось под воздействием жестоких потрясений – войны, развала экономики, голода, и в результате власть и влияние в Средней Азии перешли к новым социальным группам, между тем как новое революционное государство стало создавать новые институты и внедрять в регионе новые представления о природе власти. В то же время потрясения давали надежду и ставили новые цели, и местные деятели воспользовались возможностью изменить общественное устройство – той возможностью, которую им дала революция. Совместное кипение революционных и национальных страстей захватывало воображение интеллектуалов и определяло политический ландшафт в Средней Азии. Кроме того, благодаря той энергии, которую высвободила революция, настал золотой век современной узбекской литературы: именно в этот период сформировался тот узбекский язык, каким мы знаем его сегодня. Появились и романы, и осознанная модернистская поэтика, и блестящие театральные постановки. В эту эпоху создали свои крупнейшие произведения такие литературные гиганты, как Абдурауф Фитрат, Абдулла Кадыри, Абдулхамид Сулейман угли Чулпан.

Создание Узбекистана стало триумфальным достижением проекта среднеазиатских мусульманских интеллектуалов, осознававших себя узбеками. Я утверждаю, что образование республики стало, в непредсказуемых условиях советского строя, результатом успешной реализации национального проекта, возникшего задолго до русской революции. Революционная идея привела интеллигенцию в глубокое восхищение как ориентированная на перемены, ибо только революция могла спасти нацию от отсталости. Таким образом, этот национальный проект был направлен не на защиту древней традиционной культуры, а на ее революционное преобразование. Бунты против традиционного уклада, с их иконоборческим пафосом, определили лицо новой культуры, возникшей в этот период. На протяжении всех 1920-х годов разворачивалась культурная революция, в которой движущей силой стали энергия и страстный порыв узбекской интеллигенции. Эта интеллигенция, как оказалось, имела много общего с советскими деятелями, однако логика этих двух проектов была по большому счету различной, как и притязания государственной власти. В конце концов узбекская интеллигенция – и та когорта, которая сложилась еще до революции, и ее советское поколение – была уничтожена советским государством. Однако Узбекистан, который возник в 1924 году, во многом оказался прочным наследием дореволюционной интеллигенции. А главное – в своей основе это был триумф идеи нации как наиболее логичной, если не самоочевидной, формы политической организации, одновременно предпосылки и гаранта перехода в современность. Идея эта внесла сумятицу в сложившиеся представления о лояльности и солидарности, хотя и не разрушила их полностью. Кроме того, она привела к разделению оседлого мусульманского населения Средней Азии на отдельные нации узбеков и таджиков. В настоящей книге исследуются процессы, которые привели к этому разделению.

Однако узбекские интеллектуалы не имели возможности действовать самостоятельно. У большевиков была собственная программа переустройства мира. Формирование Узбекистана произошло на пересечении двух конкурирующих проектов той эпохи, у которых, впрочем, было и много общего. Оба эти проекта на протяжении всего десятилетия порождали атаки, нередко безжалостные, на традиционное общество, которые, впрочем, лишь в незначительной степени могут рассматриваться как непосредственное насаждение советского режима. Революция 1917 года дала определенным группам местного общества силы для переделки их собственного общества. Они воспользовались теми возможностями, которые им предоставила революция, и новым революционным режимом для того, чтобы внедрить, при необходимости

даже насильно, столь желанные преобразования. Я рассматриваю историю этого периода как борьбу между двумя конкурирующими идеями — большевизма и джадидизма, представленной движением коренного населения, ориентированным на модернистские преобразования [Khalid 1998]. Большевиками двигала идея – одновременно утопическая и жестокая – переустройства мира, преодоления «отсталости» там, где это необходимо, и насильственного увлечения всех народов к прекрасному коммунистическому будущему. Идея джадидизма была мусульманской и националистической. После 1917 года джадидизм, радикализированный фрустрацией, которая возникла в результате внутреннего отторжения со стороны местного общества, восторженно воспринял революцию как средство для осуществления тех перемен, к которым так отчаянно стремились его сторонники. Коли нация не понимала собственной выгоды, ее нужно было насильно втянуть в новый мир – если потребуется, то понуканиями и пинками. По разным причинам и большевики, и джадиды поощряли культурную революцию, в том числе всеобщее образование, земельную реформу, обеспечение равноправия женщин, а также (хотя для большевизма это парадоксально) создание национальных идентичностей. И все же за этими двумя идеями стояла разная логика, и отношения между ними всегда были сложными. Одна из главных задач этой книги состоит в том, чтобы проследить историю трений и разногласий между этими двумя проектами. Разногласия возникали внутри институтов, которые организовывал советский режим. На протяжении большей части 1920-х годов централизованный контроль был еще не слишком силен и оставлял небольшие возможности для того, чтобы могли возникать такие разногласия.

Разногласия между этими двумя представлениями о современности сопровождалась в Средней Азии напряженными общественными противоречиями. Радикализация джадидизма была обусловлена в равной мере и внутренней оппозицией, шедшей изнутри того же самого общества, и оппозицией внешней (очень даже значительной). Претензии джадидов на лидирующее положение в 1917 году встретили отпор со стороны сложившихся социальных элит; именно этот отпор и потребность в его преодолении и подталкивали джадидов к тому, чтобы занимать все более радикальные позиции, и именно та оппозиция по отношению к их взглядам, которая шла изнутри местного общества, спровоцировала многочисленные бунты того времени. Одна из главных задач этой книги состоит в исследовании противоречий, раздиравших среднеазиатское общество. Таким образом, соперничество, о котором идет речь, существовало не между единым местным обществом и большевистским режимом, стремившимся это общество изменить, но между несколькими участниками, ориентированными по-разному, как местными, так и пришлыми, чьи разногласия касались сути этих изменений и связанных с ними смыслов. Последствия этого соперничества – и спланированные, и случайные – решающим образом повлияли на ситуацию в Средней Азии.

Новая история Средней Азии

Своим исследованием мне хотелось бы прежде всего скорректировать историю современной Средней Азии. Открытие архивов и беспрецедентно широкого доступа в этот регион для иностранных ученых, начавшиеся на закате Советского Союза, привели к тому, что историография региона существенно изменилась. Кроме того, поскольку холодная война закончилась, у исследователей появилась возможность задавать новые вопросы и использовать новые сравнительные и концептуальные подходы. В нашем распоряжении есть замечательные исследования революционной эпохи, полностью дискредитирующие советский нарратив о революции. Вместо Шестивия Истории во главе со всезнающей и вездесущей партией мы видим игру случая и его колониальный контекст, а вовсе не историческую закономерность. Марко Буттино и Джефф Сахадео выдвигают на первый план этнический конфликт между русскими колонизаторами и коренным населением, видя в нем основную особенность тех лет, что последовали непосредственно после крушения самодержавия [Буттино 2007; Sahadeo 2007; Халид 2005]. Владимир Генис основное внимание уделяет слабостям различных русских деятелей, которые, с разной степенью самонадеянности, оказались причастны к тому, что невозможно назвать иначе чем «революционным авантюризмом» [Генис 2001, 2003]. Другие исследователи изучали действие советской национальной политики в Средней Азии, и в результате в нашем распоряжении есть прекрасные исследования, посвященные созданию Туркменистана [Edgar 2004], Кыргызстана [Loring 2008]¹ и Таджикистана [Bergne 2007], а также национально-территориальному размежеванию Средней Азии, которое определило и нынешние политические границы в регионе (см. далее). Некоторые ученые плодотворно использовали открытия постколониальных исследований для изучения отношений Средней Азии к Советскому государству [Northrop 2004; Michaels 2003; Cavanaugh 2001]. Также существует ряд трудов, посвященных отдельным аспектам и эпизодам рассматриваемого периода, от антирелигиозных кампаний [Keller 2001] до кинематографа [Drieu 2013], есть даже крупное исследование снятия женщинами паранджи и пересмотра их места в обществе [Kamp 2007].

Что касается историографии, созданной непосредственно в Узбекистане, – к сожалению, она по-прежнему замкнута на самой себе и подчиняется собственным императивам. Национальный нарратив сменил собой прежний советский, при том что по-прежнему сильна методологическая и институциональная преемственность по отношению к советскому прошлому; то же можно сказать и о роли государства как главного спонсора, оплачивающего работу историков. В результате вместо того, чтобы опровергнуть советские подходы к истории и полностью от них отказаться, исследователи остаются в той же парадигме, просто перевернув ее на 180 градусов. В Узбекистане раннесоветский период традиционно рассматривался как источник узбекской национальной государственности, хотя именно в это время национальное освободительное движение было жестоко подавлено силами «советского колониализма»². Неудивительно, что литература, о которой здесь идет речь, имеет склонность недооценивать масштабы конфликта, расколовшего мусульманское общество³. В этом нарративе центральную роль играют джаиды, как духовные отцы нации и как ее мученики. Их труды были вновь допущены к печати уже на кириллице, и избранные из среды узбекских ученых получили возможность работать в партийных архивах и в архивах правоохранительных органов (обычно закрытых для исследователей), с тем чтобы создать небольшой корпус жизнеописаний и биографических

¹ Али Игмен в книге [İgmen 2012] предлагает замечательное исследование того, как создавалась культура в Кыргызстане, но мало внимания уделяет 1920-м годам.

² См. [Туркестан в начале XX века... 2000; Узбекистоннинг янги тарихи 2000–2001].

³ В дополнение к работам, указанным ранее, ту же тенденцию см. в [Агзамходжаев 2006].

заметок. Однако до сих пор не вышло в свет ни одного подробного обзора истории джадидизма и ни одного фундаментального труда по политической истории 1920-х годов⁴.

Несмотря на появление целого ряда новых работ, в наших знаниях о раннесоветском периоде в Средней Азии, о создании Узбекистана и «узбекскости» до сих пор существуют многочисленные лакуны. Из упомянутых здесь западных ученых только Мариан Кэмп и Адриен Эдгар широко используют материалы на языках среднеазиатских народов и уделяют основное внимание населению региона (в противоположность интересу к деятельности советской власти и коммунистической партии). Кроме того, крайне мало известно о «туркестанском периоде», то есть о годах между революцией и национальным размежеванием. Большинство исследователей рассматривали этот период довольно поверхностно, в рамках предыстории других изучаемых вопросов, однако связного обзора этих крайне важных лет не существует⁵. О Бухаре в этот период известно еще меньше⁶. Эти лакуны указывают на то, что об Узбекистане и его истоках мы знаем меньше, чем о других странах Средней Азии. Ситуация удивительная, ибо можно сказать, что в некотором смысле история Узбекистана есть одновременно история всей Средней Азии. Узбекистан был главной среднеазиатской республикой, наследником дореволюционной концепции джадидов о народе «туркестанских мусульман» и домом для большинства оседлых мусульман в Средней Азии (а также местом расположения всех крупных городов в этом регионе). Также он был центром политической власти. Прочие же республики выделялись в противопоставление Узбекистану, и особенно это касалось Таджикистана.

Задача этой книги – восполнить обозначенные пробелы и предложить читателям первое связное изложение истории оседлых обществ в Средней Азии непосредственно после русской революции. В ней одновременно рассматриваются самые общие вопросы относительно природы преобразований в Средней Азии и реконструируются самые частные исторические подробности, которые давно заволокло туманом, или такие, которые долгое время понимались неправильно. Здесь прослеживаются истоки самой идеи «узбекскости», зародившейся в среде мусульманских интеллектуалов, и процесс создания Узбекистана в период национального размежевания Средней Азии, в 1924 году. В центре внимания находится дореволюционная интеллигенция Туркестана и Бухары, а также их путь через бурные годы русской революции и установления советской власти. Тем самым в этой книге предлагается новое объяснение того, что вкладывалось в понятие «узбекскости» и как это воплотилось в Узбекистане.

⁴ Первыми исследователями джадидизма и джадидов в горбачевские годы стали литературоведы Бегали Косимов, Наим Каримов и Шерали Турдиев. Историки занялись этой темой позднее, и по сей день здесь лидируют филологи. Следует упомянуть несколько работ более общего характера: [Жадид-чилик... 1999; Косимов 2002; Каримов 2008].

⁵ Ранняя работа Александра Парка [Park 1957] стала героической попыткой извлечь осмысленный нарратив из доступных документов. По сей день это единственная работа, непосредственно рассматривающая интересующее нас десятилетие в Туркестане.

⁶ Новая постсоветская литература практически не рассматривала Бухарскую народную советскую республику. До сих пор непревзойденными остаются работы, написанные до открытия архивов: [d'Encausse 1981; Becker 1968].

Нация, прогресс и цивилизация в революционную эпоху

Революция привела к радикализации джадидизма и расширила его горизонты, но не она его породила. Этот проект коренился скорее в чаяниях зарождающейся интеллигенции, которая формировалась в крупных городах Средней Азии на протяжении десятилетий, последовавших за российским завоеванием 1860-х и 1870-х годов. В поисках путей для выхода из трудного положения, в котором находилось их общество, джадиды – так в литературе принято называть последователей джадидизма – задолго до революции оказались охвачены страстным стремлением к прогрессу (таракқий) и цивилизации (маданият). При этом увлечение идеями прогресса и цивилизации джадиды связывали с реформой ислама. Опираясь на агрессивное-модернистское толкование ислама, джадиды утверждали, что «истинный ислам» предписывает мусульманам стремиться к прогрессу и, наоборот, только прогресс и цивилизация позволят мусульманам по-настоящему познать ислам. Однако политические ограничения способствовали тому, чтобы их реформаторский проект реализовался исключительно в области культуры и был направлен вовнутрь самого среднеазиатского общества. Последовательная критика культурных практик и заложенные в ней притязания на лидерство привели к возникновению довольно сильной оппозиции из числа представителей сложившихся социальных элит, которые были не согласны с такими результатами диагностики общественных недугов; тем не менее сам реформаторский проект и связанные с ним понятия и терминология стали в Средней Азии к 1917 году характерной чертой городской жизни. Представления о переменах восходили к мусульманскому пониманию современности, которое на рубеже XX века воодушевляло интеллектуалов всего мусульманского мира. Кроме того, идеи прогресса и цивилизации теснейшим образом связывались с идеей нации. Подобно некоему средоточию солидарности, которая должна была стать превыше понятий об идентичности и принадлежности, основанных на династии, линии родства и географической местности, понятие о нации (миллат) имело первостепенную значимость для интеллигенции в ее стремлении к современности. Это понятие заложило к тому же основу для притязаний на лидирующее положение в обществе и дало импульс к формированию в нем новой политики. И вот в результате революции именно этот проект стал более активным и радикальным. Страсть и энтузиазм джадидов вряд ли будут понятны, если не принимать во внимание трудности предреволюционного времени.

Для джадидов русская революция стала возможностью претворить их программу в действие; для них она была не тем же самым, что большевизм. Для них главное место в революции принадлежало нации, а не классу. Разговор о нации возник в Средней Азии ближе к началу XX века и развивался таким образом, что существование нации представлялось необходимым условием современности. Теперь же, в 1917 году, казалось, что нации пришло время занять свое место под солнцем. Один учитель из числа джадидов писал, что упустить такую возможность для действий – «значит совершить страшное преступление, предать не только самих себя, но и всех мусульман» [Муаллим 1917]. Однако в неопределенной политической ситуации 1917 года они обнаружили, что не в состоянии претворить свое страстное желание перемен ни в политическое влияние, ни в сочувствие избирателей. Оказалось, что той самой нации их видение перемен попросту неинтересно. Результатом этого открытия вместо отхода на умеренные позиции стала дальнейшая радикализация. В результате русской революции и последовавших более обширных геополитических изменений во всем мире джадиды укрепились в своем убеждении, что проповеди и поэтапность как способы проведения перемен совершенно бесплодны.

Разумеется, одного только энтузиазма было мало. Активное государственное строительство, которое вели большевики, дало этому энтузиазму выход и возможность реализоваться на практике. Любопытно, что большевики, эти убежденные материалисты, стремились к пре-

одолению культурной отсталости в той же мере, что и отсталости экономической. В 1919 году Сталин, занимавший в то время пост народного комиссара по делам национальностей, писал, что важнейшие задачи советской власти на Востоке состоят в том, чтобы «всеми силами поднять культурный уровень отсталых народов, организовать богатую сеть школ и просветительных учреждений, развить... устную и печатную советскую агитацию на языке, понятном и родном для окружающего трудового населения» [Сталин 1919]. Именно этого желала и местная интеллигенция. Эта существенная общность, которую обнаруживают два разных представления о современности, приводила не только к сотрудничеству, но и к противостоянию. Новый режим, устанавливаемый большевиками, мобилизовал население и создавал институты, значительно усугубившие воздействие государства на общество. И местные интеллектуалы играли в этом процессе заметную роль. Они стекались в новые государственные учреждения, созданные большевиками, которым нужны были посредники в рядах местного населения, способные как минимум вести «устную и печатную советскую агитацию на языке, понятном и родном для окружающего трудового населения», и при этом еще помогать в управлении этими удаленными окраинами советской территории. Тем не менее прямого пути от джадидизма к коммунизму не существовало⁷. Некоторые джадиды вступили в партию в первые послереволюционные годы (1918–1920); некоторые так и не вступили, других же исключили после того, как центр установил более прочную власть в этом регионе. Те деятели, что вышли на арену общественной жизни после 1920 года, выдвинулись прежде всего по партийной линии и относили себя уже к другому поколению, так что «конфликт поколений» в среде узбекских интеллектуалов стал отличительной чертой рассматриваемого периода. В конечном счете сложилась новая когорта осознанно советских интеллектуалов, которые многое сделали для того, чтобы вытеснить дореволюционную интеллигенцию из общественной жизни.

⁷ Сам я предполагал возможность подобного перехода в одной из более ранних работ [Khalid 1998: 287–301]. В настоящей книге картина представляется более сложной.

Между империей и революцией

Помимо прочего, русская революция стала моментом перехода к постколониальной эпохе. Царская Россия была империей в точном смысле слова, и различия для нее были совершенно естественны [Burbank 2007]⁸. Дистанция между коренным населением и государством мало где была более значительной, чем в Средней Азии, которая стала последней крупной территорией, присоединенной к империи. Бухара и Хива были протекторатами и технически в состав Российской империи не входили. Туркестан находился на особом положении, определявшем место его жителей в имперском устройстве. Его местное мусульманское население составляли российские подданные, которые, впрочем, сохранили у себя исламские суды для отправления личных законов и для разрешения торговых споров, если они не затрагивали немусульман. Население Туркестана не несло воинскую повинность, не входило в общеимперскую систему сословий и состояний и числилось в соответствии со своей конфессиональной принадлежностью к мусульманам. После революции 1905 года Туркестан ненадолго получил собственное (неравное) представительство в Государственной думе, которого его вскоре лишили в результате реформы избирательной системы, проведенной в 1907 году П. А. Столыпиным. Была сформирована местная двухуровневая административная система, где низший уровень по-прежнему комплектовался кадрами из числа местных функционеров, которые использовали в работе местные языки. В целом различия между «туземцами» и «европейцами» прослеживались во всех проявлениях повседневной жизни и в организации пространства. Подавляющее большинство европейцев проживало в «новых» городах, возникавших наряду с существующими центрами городского типа, или же за городом, в особых поселениях, предназначенных только для европейцев. В Средней Азии сложилось двухкомпонентное общество, где коренное население и европейцы жили бок о бок друг с другом, при этом практически не взаимодействуя⁹.

Эти колониальные различия разрушила Февральская революция. Временное правительство провозгласило всех подданных Российской империи свободными и равными гражданами, вне зависимости от их половой, религиозной или национальной принадлежности, и всем предоставило равное избирательное право. Однако именно большевики с их безжалостно-всеобъемлющим проектом социальной революции задались целью вновь включить Среднюю Азию в Российское государство на новых основаниях. Обещание автономии в рамках универсального всеобъемлющего единства занимало главное место в их призыве, обращенном ко всем нерусским народам бывшей Российской империи. До 1917 года джадиды надеялись преодолеть эти различия и стремились войти в ядро империи. В новом строе их привлекали перспективы равенства и автономии. Однако революцию они понимали по-своему – как средство осуществления радикальных преобразований на службе у нации. Язык классовой теории, усвоенный большевиками, был им не особенно нужен. Стремление к национальной революции должно было привести к ниспровержению сложившихся элит и возвести на их пьедестал новых лидеров, но это не то же самое, что полноценная социальная революция, разделяющая людей по классовому признаку. Для джадидов революция не была синонимом большевизма, скорее они видели в ней эпоху возможностей, которая началась в феврале 1917 года. Это неизбежно вело к постоянным разногласиям между джадидами и большевиками, но обещание всеобщего уравнения в правах имело большую силу.

⁸ Джейн Бербэнк и Фредерик Купер [Бербэнк, Купер 2015] видят в сохранении различий существенную черту всех империй.

⁹ Подробнее о положении Туркестана в Российской империи см. [Khalid 1998, chap. 2].

Далеко не всегда это обещание выполнялось. Европейцы, жившие в Средней Азии – в равной мере и крестьяне-переселенцы, и горожане, – не желали отказываться от привилегий и делиться властью, ресурсами и рабочими местами с коренным населением. Первое время центральные власти весьма решительно выступали против переселенцев (см. главу 3), но в конце концов осознали, что именно европейцы составляют основной их оплот в Средней Азии и что отталкивать их неразумно. Кроме того, в рассматриваемые десятилетия амбициозные устремления советской власти всегда требовали больше ресурсов, чем имелось в наличии. В начале 1920-х годов потребность в восстановлении государственного контроля и в создании механизмов для извлечения дохода часто выходила на первый план по сравнению со стремлением к радикальному перераспределению. Когда к концу 1920-х годов обещание равенства так и не было выполнено, это вызвало разочарование не только в среде джадидов, сложившейся еще до революции, но и в среде мусульман-коммунистов, многие из которых громко возмущались «красным колониализмом».

Именно вокруг колониализма развернулась полемика в постсоветской историографии о Средней Азии. Многие ученые считали, что СССР мало чем отличался от других современных империй. По словам Дугласа Нортропа, который сформулировал эту позицию особенно красноречиво:

СССР, как и царская Россия – его предшественница, был колониальной империей. Власть в Советском Союзе выражалась в существовании строгих иерархических границ и различий, в результате которых возникали, по крайней мере в теории, ярко выраженные центры (метрополии) и периферия (колонии)... Хотя, возможно, он не являлся классической империей с заморскими колониями, в отличие от Британской или Нидерландской, СССР имел отчасти сопоставимую политическую, экономическую и военную структуру, аналогичную культурную программу и столь же маловыраженные колониальные элиты [Northrop 2004:22]¹⁰.

Тем не менее, как я показал в другом месте, сравнение с другими колониальными империями двадцатого века выглядит неубедительно. Культурная программа Советского Союза – массовое образование на языках коренных народов, борьба с неграмотностью, здравоохранение, политическая мобилизация – имела много общего с программами мобилизационных государств межвоенной эпохи, а его попытки социального строительства – земельная реформа, организация маргинальных групп общества, переустройство самого общественного организма – не обнаруживают параллелей в деятельности колониальных империй того времени [Khalid 2006]. Тем не менее разрыв между желаемым и действительным был всё так же велик, и, как было сказано выше, советское государство примирилось с пришлым населением. Полностью избавиться от имперских привычек оно не могло. В рассматриваемые десятилетия Средняя Азия оказалась в подвешенном состоянии между империей и революцией.

В то же время я покажу, что советская политика в отношении Средней Азии существенно менялась – как и масштабы насилия и разрушений в годы революции и Гражданской войны. Средняя Азия в 1931 году была уже совсем не той, что в 1917-м. Я не спорю с исследованиями последних лет, в которых утверждается, что в 1930-е годы советское государство было слабым и потому было вынуждено прибегать к насилию [Gross 1988; Виола 2010], однако в Средней Азии это насилие разрушило альтернативы. Коллективизация и расширение хлопковых плантаций привязали Среднюю Азию, и в особенности Узбекистан, к советской экономике; закрытие границ отрезало Среднюю Азию от остального мира, а когда дореволюционную

¹⁰ Позиции других участников этой полемики см. в работах [Adams 2005; Drieu 2013; Loring 2014]. Лоринг предлагает очень тонкую аргументацию, основанную на особенностях экономической, а не культурной политики.

интеллигенцию заставили замолчать, изменились параметры публичного дискурса. Узбекистан вступил на советский путь.

Мусульманские интеллектуалы и их общество

В центре внимания в этой книге находятся те мусульманские деятели в Средней Азии, которые были устремлены в будущее и усвоили идеи прогресса и цивилизации. Эти интеллектуалы-модернисты не были однородной группой. Джадиды, которые первыми ввели новый (то есть фонетический) метод обучения арабскому алфавиту и сделали много всего другого, что из этого следовало, обосновали законность своего проекта путем агрессивной-модернистской интерпретации ислама. Себя они именовали «зиёли» (просвещенными), «тараккийпарвар» (поборниками прогресса) или просто «ёшлар» (молодежь). После революции их ряды пополнила новая когорта активистов, выдвинувшихся на общественном поприще либо по партийной линии, либо через советские учреждения; они не имели прежде отношения к мусульманской культурной реформе. Те из них, кто вступил в партию и дослужился в ней до ответственных должностей (начиная с октября 1921 года Коммунистическую партию Туркестана возглавляли коренные жители Средней Азии), уже иначе видели пути реализации проекта по переустройству общества и иначе его воспринимали. Более поздняя когорта осознанно советской интеллигенции, заявившая о себе в середине 1920-х годов, была еще более радикальной и критически относилась к своим старшим собратьям. Фракционная борьба и конфликт поколений стали отличительной особенностью рассматриваемого периода, и в дальнейшем они будут часто фигурировать в этой книге. Тем не менее все когорты дистанцировались в своем же обществе от традиционалистов-консерваторов, чей авторитет основывался на прошлом и на его традициях, поскольку они объявляли себя его наследниками. В неоднозначной культурной политике того времени интеллигенция и консерваторы сталкивались снова и снова.

Сосредоточив внимание на интеллектуалах-модернистах, я иду вразрез с новейшими тенденциями в исследовании мусульманских сообществ Российской империи. У западных ученых – специалистов по Российской империи и СССР мусульманские интеллектуалы не в почете. В современной историографии царская империя вновь стала популярным предметом исследования, и в центре внимания оказалось ее функционирование, а не крушение. В результате специалисты по истории России стали с подозрением относиться к порожденным интеллектуалами нарративам о подавлении свободы в империи и занялись поиском других точек зрения, отличных от взглядов элит. Для Роберта Круза возможность понять жизнь мусульман в Российской империи кроется в изучении петиций, с которыми «простые мусульмане» обращались к государству, а также переписки между мусульманским духовным собранием и органами государственной власти [Crews 2006]¹¹. Выступая с иных научных позиций, специалисты в области исламоведения тоже относятся к интеллектуалам-модернистам с подозрением, хотя для них «по-настоящему» понять мусульманское общество можно, лишь изучив документы, составленные мусульманскими юристами и улемами в мусульманском пространстве, с позволения царского и (недолгое время) советского режимов. Для одного из них увлеченность интеллектуалами-модернистами есть не что иное, как «*джадидофильство*» — «вечное проклятие современных исследований ислама в Средней Азии». Джадиды составляли «в своих обществах крошечное меньшинство, сложившееся... в результате российского правления», и использовали «новые площадки и средства, дозволенные властью колонизаторов» [DeWeese 2008]. Другой исламовед считает, что получить представление о мусульманском обществе и его динамике можно, лишь воспользовавшись аутентичными исламскими источниками, такими как вакфы, судебные архивы кади и записи правовых диспутов, которые вели между собой улемы: все эти

¹¹ Обращаясь к советскому периоду, Дуглас Нортроп [Northrop 2004] сбрасывает со счетов «фактически горстку» интеллектуалов (заодно с коммунистами и женщинами-активистками), когда говорит о худжуме – кампании против ношения паранджи и рисует картину противостояния между «узбеками» и «иноземцами-большевиками».

тексты выражают взгляды элит, зато в достаточной мере аутентичны¹². Интеллектуалы-модернисты – порождения колониализма и (следовательно?) недостойны внимания исследователей.

Такое нежелание говорить об интеллектуалах-модернистах превращает среднеазиатское общество в сугубо «традиционное» и упрощает картину. Нам не дают возможности понять сущность споров или противостояния внутри этого общества, так что историю региона становится гораздо легче представить (если говорить о советском периоде) как столкновение двух четко определенных, отдельных друг от друга и внутренне однородных сущностей – «Средней Азии» и «советского режима». Кроме того, сбрасывая интеллектуалов-модернистов со счетов, потому что они коварно использовали «новые площадки и средства, дозволенные властью колонизаторов», мы тем самым напрочь отказываемся разбираться в том, как создается и воссоздается культура в условиях колониализма и как рождается новизна. В основе всех этих критических высказываний в конечном счете лежит стремление к аутентичности. Интеллектуалы-модернисты, городские жители, выводятся из поля зрения не просто потому, что их численность была незначительна, но еще и потому, что они занимали неаутентичную позицию в культурном отношении. В этой книге я утверждаю и показываю, что аутентичность попросту невозможна. Вместо этого я рассматриваю культуру как исторически обусловленную, подвергаемую сомнению и находящуюся в постоянном становлении. Именно через присвоение новых площадок и средств, а также новых культурных технологий – традиции подвергаются сомнению и перерождаются. По той же причине нельзя принимать как безусловную ценность позицию консерваторов, выступающих от лица «традиции», ибо они тоже были порождены историей – в той же мере, как и ниспровергатели «традиции»¹³. И сложившиеся элиты в Туркестане, и эмир Бухары были созданы российским завоеванием. Модернистски настроенная интеллигенция, со своей стороны, не испытала столь непосредственного влияния имперских моделей, как подобные ей силы в других колониях. Она находила культурную опору в дискурсе мусульманского модернизма, в котором на рубеже двадцатого века запечатлелись чаяния интеллектуалов всего мусульманского мира. Многие предлагаемые ими модели преобразований пришли из Османской империи или были переняты у других мусульманских сообществ Российской империи, прежде всего у татар, у которых на протяжении нескольких десятилетий, предшествовавших 1917 году, бурлили горячие споры о культуре и идентичности. Однако еще более важно, что нежелание принимать интеллектуалов-модернистов всерьез препятствует глубокому пониманию внутренней динамики мусульманских обществ.

Я не утверждаю, что модернисты, которыми я занимаюсь, были единственными выразителями взглядов общества, которое представляли. Скорее, я выношу в центр внимания то огромное напряжение, которое существовало в среднеазиатском обществе того времени, и в результате мы вынуждены отказаться от дихотомии «мусульманского общества» и «иноземцев-большевиков». Война, голод и беспорядки раздирали общество, способствуя расширению тех разломов, что возникли задолго до 1917 года. Итак, нельзя говорить о едином «узбекском мусульманском обществе», которое противостояло внешнему давлению. Вместо этого нужно определить расположение различных сил и изучить вопрос о том, как они мобилизовали ресурсы, и символические, и материальные, для достижения своих целей.

¹² См. заметку Паоло Сартори, напоминающую манифест, [Sartori 2010a].

¹³ Мое понимание культурных преобразований коренится в социологии образования и культуры Бурдьё, которая расширяет «правила» и вместо них ориентируется на стратегию. Как и в большинстве других моих работ, я пишу под влиянием трудов Пьера Бурдьё [Bourdieu 1990; Bourdieu 1991].

Создание наций и национальные проекты в Советском Союзе

В истории Средней Азии было немного эпизодов, которые породили столько же мифов, как так называемое национально-территориальное размежевание 1924 года, которое привело к созданию этно-территориальных республик на месте прежних образований – Туркестана, Бухары и Хивы. Было бы упрощением рассматривать этот процесс как классический случай реализации стратегии «разделяй и властвуй». В самом деле, такое представление остается незыблемым в западных описаниях этого региона, вопреки всем опровергающим свидетельствам¹⁴. Такая картина составляет полную противоположность современной историографии в самой Средней Азии, так что существование наций представляется самоочевидным, а раннесоветская политика выглядит как исторически «нормальный» процесс национализации¹⁵. Когда ученые в Средней Азии критикуют этот процесс, они указывают на «ошибки» – предумышленные и не только, – в результате которых земли отошли к той или иной нации, но само это мероприятие вредоносным они не считают¹⁶. В самом деле, архивные исследования отчетливо показали, что размежевание стало частью общесоветского процесса создания этнически однородных территориальных единств; что местные кадры играли центральную роль в обсуждении этого разделения; и что советская власть видела главную проблему Средней Азии в ее политической раздробленности, а не в наличии некоего всеохватного единства, которое следовало разрушить¹⁷. В целом наше понимание советской национальной политики (ее предпосылок и форм реализации) за последние два десятилетия изменилось. Теперь нам известно, что для советских идеологов нации были онтологической данностью, а задача привести административные и национальные границы во взаимное соответствие представлялась политическим императивом¹⁸. В более сложных и тонких описаниях размежевания Средней Азии подчеркивалась важность проектов классификации, осуществляемых этнографами и Советским государством [Cadiot 2007; Абашинов 2007; Gorshenina 2012; Hirsch 2005]. Тем не менее ни в одном описании разделения не было уделено должного внимания роли в этом процессе элит из числа коренного населения Средней Азии и нигде размежевание не рассматривалось в контексте подъема национальных движений в этом регионе. В результате даже в новых работах,

¹⁴ Принцип «разделяй и властвуй» постоянно муссируется в работах общего характера, посвященных Средней Азии, и даже в специальной литературе он постоянно упоминается. Такие обобщения очень расстраивают. «Потенциал политической солидарности среди советских мусульман испытал натиск осознанной политики в духе “разделяй и властвуй”, – пишет Мелиз Рутвен. – Современные государства Средней Азии обязаны своим территориальным существованием Сталину. На угрозу пантурского *[sic!]* и панисламского национализма он ответил, раздробив территории российского Туркестана на пять республик» [Ruthven 2004: 103]. Ахмед Рашид [Rashid 2002: 88] полагает, что Сталин прочертил «произвольные границы» и «создал республики, для которых практически не было ни географических, ни этнических обоснований». Поддерживая взгляды Рашида, Филип Шишкин пишет: «Советский диктатор Иосиф Сталин... прочертил границы, разделив этнические группы, и тем самым сделал для них очень трудным организованное противостояние советскому правлению. Если вы посмотрите на карту Ферганской долины... [то увидите] лихорадочно изломанные линии, безумно расчертившие государства зигзагом, напоминающим кардиограмму пациента с тахикардией!» [Shishkin 2013: 238].

¹⁵ Разумеется, в современных историографиях разных стран есть различия. Киргизские историки рассматривают момент размежевания как рождение их национальной государственности. Точно так же нет претензий к этому процессу у историков ни в Казахстане, ни в Туркменистане.

¹⁶ См., например, [Койчев 2001]. Таджикские ученые выражали сожаление в связи с тем, как процедура размежевания лишила «таджикский народ» его исконных земель, однако их претензии направлены скорее против «пантюркистов», чем против Советского государства. Эту ситуацию я рассматриваю в главе 9.

¹⁷ Наибольший интерес представляет работа Арна Хаугена [Haugen 2003]; см. также замечательное описание процесса создания Туркменистана, представленное в работе [Edgar 2004: chap. 2]; вдумчивая оценка этого процесса дана во второй главе книги Мадлен Ривз [Reeves 2014].

¹⁸ Вот важнейшие работы, посвященные вопросам создания наций в СССР, [Suny 1993; Слезкин 2001; Мартин 2011; Государство наций... 2011; Hirsch 2005].

посвященных анализу советской национальной политики, почти ничего не говорится о мотивации коренных элит. Герои этих исследований – советские деятели и этнографы, реализующие общесоветскую политику в Средней Азии. Будучи проводниками политики, основанной на научной классификации, они изображаются в более положительном свете, чем Сталин, который просто проводит линии на карте, однако они все равно вытесняют на дальний план коренные элиты, практически незаметные в новейшей литературе¹⁹. В этой книге я предлагаю другую генеалогию зарождения нации в Средней Азии.

¹⁹ Единственное исключение – Адриен Эдгар, которая в своей замечательной книге «Tribal Nation» [Edgar 2004] рассматривает туркмен-коммунистов как деятелей, внесших реальный вклад в создание своей республики. Тем не менее, поскольку среди туркмен не было представителей дореволюционной интеллигенции, чаяния коммунистов туркменской национальности оказались строго определены ситуацией советского правления гораздо в большей степени, чем в случае Узбекистана.

«Чагатаизм» и создание Узбекистана

Узбекистан возник в процессе национально-территориального размежевания в 1924 году, и все же он не был порождением партии или Советского государства. В советских условиях это, скорее, была победа национального проекта среднеазиатской мусульманской интеллигенции. Именно мусульманские интеллектуалы, а не советские этнографы были истинными создателями Узбекистана и узбекской нации.

Национальная идея пришла в Среднюю Азию задолго до революции, но именно революция, вроде бы открывшая бескрайние возможности, привела к тому, что в интеллигентской среде эта идея надолго стала средоточием страстей. Кроме того, революция изменила сами представления о нации. Как я подробно показал в другом месте, до 1917 года для джадидов понятие нации объединяло «мусульман Туркестана», то есть нация выделялась по профессиональному признаку и была ограничена территориально [Khalid 1998: chap. 6]. Однако в ходе революционных событий представления джадидов стали быстро приобретать этническую окраску, поскольку их чрезвычайно увлекла идея тюркизма. Тюркизм, ориентированный на Туркестан (заметно отличающийся от «пантюркизма», ставшего своего рода жупелом советской и западной историографии), подразумевал, что все оседлое население Средней Азии является узбекским. Всю традицию исламской государственности, как и всю высокую культуру в Средней Азии, они приписывали узбекской нации. Золотым веком этой нации стало правление Тимуридов – время процветания высокой культуры на восточно-тюркском (чагатайском) языке. Для описания такого понимания узбекской нации я использую термин «чагатаизм»²⁰. Итак, «мусульман Туркестана» джадиды переосмыслили как узбеков, а чагатайский язык, обновленный и очищенный от иностранных слов, – как узбекский. При таком понимании узбекская нация имеет малое отношение к узбекским кочевникам под предводительством Шейбани-хана, которые вытеснили Тимуридов из Среднеазиатского Двуречья, поскольку она претендовала на мантию самих Тимуридов.

Революционная эпоха открыла целый ряд возможностей (все они в конце концов остались нереализованными) для осуществления среднеазиатского национального проекта: в ноябре 1917 года в Коканде было объявлено о создании автономного правительства Туркестана (см. об этом далее, в главе 2), в январе 1920 года Туркестан переименовали в Тюркскую Советскую Республику (см. главу 3), затем последовала попытка создания национальной республики в Бухаре (см. главу 4). За всеми этими проектами скрывалась чагатайская идея, однако именно национальное размежевание 1924 года дало наконец реальную возможность для объединения оседлого мусульманского населения Туркестана в единое политическое образование. В настоящей книге прослеживается процесс переосмысления и неожиданной реализации этого проекта в 1924 году.

Успешность чагатайского проекта повлияла и на представление о таджиках. Как я показываю в главе 9, большинство персидско-говорящих интеллектуалов в Средней Азии также были причастны к чагатайскому проекту, даже при том, что он зиждился на отрицании персидского среднеазиатского наследия. В отсутствие какой-либо мобилизации в интересах таджикского народа чагатайский проект был взят за основу в процессе размежевания. «Таджиков» стали выделять как остаточную категорию, в которую относили население самых глухих сельских районов Восточной Бухары, наименее склонное к ассимиляции. Только после создания Таджикистана некоторые таджикскоговорящие интеллектуалы стали отклоняться от чагатай-

²⁰ В 1920-е годы этот термин использовался в пейоративном смысле теми, кто выступал с критикой этой идеи. Несмотря на этот «смысловый багаж», я считаю, что он хорошо подходит для описания фундаментальных претензий узбекской национальной идеи в том виде, как ее развивали джадиды.

ского проекта, и новая таджикская интеллигенция начала борьбу за права таджикского языка и за расширение национальной республики. Через некоторое время в результате размежевания политика идентичности начала 1920-х годов оказалась заморожена. Нынешнее состояние Таджикистана можно осмыслить только в контексте триумфа чагатайского проекта в 1924 году.

Очевидно, что ситуация 1920-х годов в Средней Азии много говорит нам о сущности наций и национального проекта в целом. Рассматривая эти вопросы, я избегаю использовать термин «национализм», который считаю слишком широким и нагруженным пейоративными коннотациями, чтобы его можно было использовать в аналитических целях. Для большевиков и их политической полиции «национализм» был негативно направленной силой, действующей в интересах контрреволюционной буржуазии. Для многих персонажей этой книги обвинения в национализме оказались губительны. Такое подозрительное отношение в значительной мере сохранилось, и в языках постсоветского пространства национализм оказывается созвучен шовинизму. Я предпочитаю видеть в феномене национализма более тонкие различия. Я изучаю национальный проект среднеазиатских интеллектуалов, рожденный в пылу увлечения концепцией нации, в борьбе за ее создание. Эта борьба развернулась внутри предполагаемой нации с той же силой, что и вовне ее. Этот национальный проект был нацелен на «пробуждение» самосознания нации, на то, чтобы заставить ее помыслить о себе как о нации – словом, на то, чтобы ее национализировать. С этой целью национальный проект стремился также к преобразованию предполагаемой нации, к ее просвещению, оздоровлению, переустройству семейной жизни. Можно с уверенностью сказать, что все национальные движения действуют в координатах аутентичности и современности. Нация должна измениться, чтобы стать современной, чтобы обрести средства к следованию прогрессу и в результате укрепить свои силы и заявить свои претензии на место под солнцем. В то же время изменения объясняются необходимостью вернуть былое величие, которое позволит преодолеть тлетворное воздействие современности. В этой книге я прослеживаю пути, которыми интеллигенция шла к обоснованию нации²¹. Я рассказываю о том, как разворачивалась борьба за нацию, а не о том, как ее в полной мере удалось сформировать (если такое вообще возможно). Нет никаких сомнений, что в период, о котором рассказывается в этой книге, предполагаемая нация оставалась преимущественно безразличной к национальному проекту или, скорее, оставалась в неведении относительно его, но от этого проект создания нации не становится ни менее важным, ни менее достойным исследования.

Если, как утверждает Парта Чаттерджи, национальное движение должно заявить о национальной суверенности коренного населения, прежде чем вовлечь колониальное государство в политическое противостояние, с тем чтобы добиться независимости, – значит, в Средней Азии до 1917 года это противостояние еще не закончилось [Chatterjee 1992]. В самом деле, большинству национальных движений приходится сражаться на двух фронтах: против внешнего врага (колонизатора) и против оппозиции в собственном социуме, где идея главенства нации должна одержать верх. Борьба против враждебных сил в собственном обществе нередко оказывается в большей мере решающей. Несомненно, так случилось и в Средней Азии. В 1917 году джаиды стремились (безуспешно) убедить свое общество в необходимости организовать внутри национальных границ и передать им управление. На самом деле революция показалась джаидам такой привлекательной возможностью для перемен именно потому, что их позиции в собственном обществе были слабы. Однако задача поставить советские институты на службу себе казалась им очень трудной. По всем важным вопросам – будь то вопрос о школьном образовании или о положении женщин, о месте ислама в общественной жизни или о направлении развития новой литературы, – у большевиков и мусульманских интеллектуалов были совершенно разные представления. На протяжении большей части первого десятилетия

²¹ Особенно актуальными я считаю работы, собранные в издании [Intellectuals and the Articulation of the Nation 1999].

советского правления партия не научилась контролировать ни своих собственных членов, ни персонал созданных ею учреждений. В 1926 году, когда она обрела некоторую уверенность в своей власти над регионом, она открыла так называемый идеологический фронт, с тем чтобы укрепить свой авторитет в собственных учреждениях и подтвердить идеологическую безупречность их миссии. Дореволюционную интеллигенцию начали вытеснять. Я считаю, что первая чистка среди местной национальной интеллигенции, произошедшая в 1929–1930 годах, стала важной вехой в процессе изгнания интеллигенции из политического процесса, а заодно и концом эпохи. Интеллигенция так и не стала государственной элитой, способной национализировать общество таким образом, как это сделали, например, Агатаюрк и Реза-шах, или целый ряд центрально-европейских режимов в период между Первой и Второй мировыми войнами. Такое особенное положение национальной интеллигенции стало специфически советской особенностью узбекского национального проекта.

В то же время мы понимаем, насколько важна политическая арена для того, чтобы нация завоевала признание. Кто станет нацией, а кто останется просто группой населения – всегда вопрос признания. Узбекская нация возникла потому, что в местах, важных с политической точки зрения (в данном случае в различных советских государственных органах), существовало движение в поддержку этого проекта. Точно так же и Кыргызская, и Каракалпакская автономные республики возникли благодаря поддержке определенных кадров. С таджиками получилось иначе. И наоборот, если бы существовало национальное движение в поддержку сартов или кипчаков, карта Средней Азии сейчас выглядела бы иначе. В советском контексте – хотя и не только в советском – добиться признания существования нации было важнее, чем создать широкое народное национальное движение; оно предшествовало созданию национального самосознания у членов соответствующей нации. После обретения признания и территории нация могла добиться процветания. В ней формировались государственные структуры, заново кодифицированный и формализованный «национальный» язык, система национальных символов, национальная историография, самые разные общепринятые практики национального – и все они строились в соответствии с советской национальной политикой и с ресурсами Советского государства.

Тем не менее роль Советского государства легко преувеличить. Исследователи справедливо указывали на то, что советская политика в области культурного развития, которая боролась с неграмотностью, расширяла школьное образование на языках коренных народов и содействовала созданию новых учреждений для продуцирования культуры, стала важнейшей особенностью культурного ландшафта в юном Советском государстве²². Такие исследования вносят необходимые коррективы в устаревшие представления, сфокусированные исключительно на советских репрессиях против нерусских национальностей и усматривающие в национальной политике лишь прикрытие для русификации. В ряде прекрасных работ формирование национальных идентичностей в раннесоветский период рассматривается как результат советской национальной политики²³. Однако поскольку такие новые исследования рассматривают политику прежде всего в том виде, в котором ее обсуждали и формулировали центральные власти, они рискуют преувеличить роль Советского государства и представить его более милосердным, чем оно было, возможно, на самом деле. Я рассматриваю советскую национальную политику с точки зрения ее преимуществ для самых очевидных выгодоприобретателей. Новая культура не была творением Советского государства и уж точно не была его даром отсталым народам (вопреки заявлениям советской историографии и настойчивым утверждениям современных российских ученых). Она возникла в результате сложного взаимодействия

²² Самое подробное описание этой политики см. в работе [Мартин 2011].

²³ См., например, [Edgar 2004; Grant 1995; İğmen 2012; Liber 1992; Loring 2008; O’Keeffe 2013; Слезкин 2008; Shneer 2004; Shternshis 2006].

между новым революционным государством и коренными культурными элитами, у которых было свое понимание сущности революции и советской власти. Коренные элиты часто оказывались недовольны своими возможностями; между тем советский режим и его органы политического контроля были одержимы идеей привлечь их на свою сторону (или же устранить их из общественной жизни). Советская политика в сфере культуры была и продуктивной, и деструктивной одновременно. Уничтожение коренной интеллигенции, которым завершается эта книга, неотделимо от достижений советского национального и культурного строительства.

Культурная революция

Идея нации была главной в культурном радикализме, охватившем среднеазиатскую интеллигенцию в эпоху русской революции. В годы, последовавшие за событиями 1917-го, джадиды во имя нации становились на всё более радикальные позиции. Нацию было необходимо просвещать и модернизировать, и при этом подавить внутреннюю реакцию. Требовалась не более и не менее чем революция сознания: среди населения следовало насаждать новые способы мышления и мировосприятия. Новая культура должна была возродиться из пепла старой. В десятилетие после революции культурная жизнь была отмечена серией мятежей – против авторитета сложившихся социальных элит, против эпистемологического порядка, на котором они зиждутся, против правил общественного поведения, против конвенций тюркоперсидской литературной традиции и даже против ислама. Подобный культурный радикализм интересующего нас периода редко оценивают по достоинству, поскольку свидетельства его кроются не в архивных документах, а в культурной продукции того времени.

Продукция эта, при всей ее значимости для современной узбекской культуры, не получила заслуженного внимания. В самом Узбекистане ее изучению всегда мешали политические причины. К 1937 году все основные деятели того времени оказались врагами народа или противниками советской власти. Многие были «реабилитированы» в политическом смысле (с них сняли уголовные обвинения), однако по состоянию на самые последние годы советского периода лишь немногим вернули заслуженное место в истории литературы республики. История литературы советского времени в основном обходила стороной сложности 1920-х годов и не замечала гигантов этого десятилетия, занимавших центральное место. Когда же СССР почил в бозе, возникла тенденция ударяться в противоположную крайность и превращать литературных деятелей 1920-х годов в национальных героев, в нравственных и культурных вождей узбекского народа. Такая позиция, помимо прочего, подразумевает недостаточный учет их противодействия традиции, а также их взаимных столкновений. Западные ученые, со своей стороны, слишком часто рассматривали эту литературу исключительно как средство политического протеста против советского правления и видели в ней лишь эзопов язык, в скрытом виде выражающий критику и неприятие [Allworth 2002]. Они так увлеклись чтением между строк и поиском зашифрованных политических посланий, что нередко не замечали истинного содержания этих строк. Литературоведы часто не принимают в расчет напряженную атмосферу этой эпохи, как и острые конфликты, раздиравшие среднеазиатское общество, и они нередко принимают критику среднеазиатского общества (важнейшая черта джадидизма начиная с момента его появления) за критику советских порядков. Когда в центре внимания – время больших внутренних потрясений, такое настойчивое понимание критики как направленной исключительно вовне, против «колонизатора», не имеет разумных оснований. В самом деле, преимущественное внимание к расшифровке предполагаемых политических посланий создавало даже препятствия для изучения технических аспектов литературы рассматриваемого периода, ее формальных и морфологических новшеств²⁴.

Всё это вызывает сожаления, потому что именно в 1920-е появилась современная узбекская литература. Именно в это десятилетие возник жанр романа, процветала драматургия, а новые стили в поэзии видоизменили традиции, которые со временем утратили смысл. Без преувеличения можно сказать, что в 1920-е в Средней Азии свершилась настоящая культурная революция, которая заложила основы современной среднеазиатской культуры вплоть до настоящего времени. Настоящая книга посвящена в первую очередь этой культурной революции.

²⁴ Разумеется, есть исключения, однако они малочисленны и тем самым подтверждают правило; см. [Murphy 1980; Kleinmichel 1993].

Следует пояснить, что термин «культурная революция» используется у меня совсем иначе, чем в англоязычной историографии СССР, которая, вслед за Шейлой Фицпатрик, применяет этот термин для обозначения совершенно конкретной кампании, которую партия вела в период 1929–1932 годов, чтобы захватить контроль над культурными и научными институтами [Fitzpatrick 1974; Fitzpatrick 1978]. Я имею в виду не «революцию сверху», а творческий взрыв снизу, который был обусловлен энтузиазмом, рожденным революцией. Создание Советами нового культурного поля было палкой о двух концах. Были созданы институты (сравнительно стабильная пресса, книгоиздание, институты поддержки исследований в области истории и этнографии), способные поддерживать культурное производство как вид профессиональной (оплачиваемой) деятельности, но в то же время возникли новые обязательства и новые средства контроля. Фактически, как мы увидим, до 1924 года советские институты культуры еще не сформировались, и культурное производство в значительной своей части осуществлялось за пределами советских институтов или параллельно их деятельности. «Чигатой гурунги» («Чагатайская беседа»), литературный кружок, члены которого организовали в 1921 году первую Конференцию по языку и реформе орфографии, не был напрямую связан с государством, как и благотворительные общества, направлявшие студентов в 1922–1923 годах учиться за границу, или как «Друзья новой жизни» (см. об этом в главе 6). Все эти организации государство закрыло.

Культурное производство 1920-х годов дает прекрасное представление о радикализме того времени. Я ввожу в научный оборот ряд текстов, которые прежде не изучались. Я встраиваю их в более долгосрочные траектории различных течений модернизма, которыми мусульманский мир оказался исчерчен вдоль и поперек в десятилетия, предшествовавшие революции. Вплоть до 1917 года русские модели не оказывали практически никакого воздействия на культурное производство в Средней Азии, и только в середине 1920-х годов русские литературные и культурные влияния на среднеазиатскую культурную жизнь оказались значительными. Я всерьез принимал всё то, что было сказано в самих текстах. Я настаиваю на том, что их критику местного общества, его обычаев и традиций, а также консервативно настроенных оппонентов реформы следует понимать именно как критику, а не как зашифрованные выступления против русских людей или против советских порядков. В своих переводах, стремясь передать смысл текста, я склоняюсь к буквальности. Аналогичным образом, цитируя поэтические произведения, в своих переводах я вовсе не претендую на поэтичность. Во многих случаях поэтическая структура утрачивалась при переводе, и тогда, помимо перевода, я приводил также и текст оригинала.

Радикализм распространялся даже на ислам. Мы хорошо себе представляем советские кампании против ислама [Keller 2001]²⁵, однако гораздо меньше мы знаем о спорах вокруг ислама, разгоревшихся в революционную эпоху среди мусульман. Тем не менее джадидизм с самого начала был движением за реформу ислама, а ислам на протяжении всего этого периода был предметом дискуссий. Помимо прочего, революция произвела значительное брожение в религиозной сфере, о чем речь пойдет в главе 7. Я покажу, что граница между реформаторским и революционным подходами вполне могла быть проницаемой, когда речь шла о критике традиционных порядков. Здесь, как и во многих других аспектах, у джадидов и большевиков могло быть много общего, хотя они сходились далеко не во всем.

²⁵ Также см. обзор в [Халид 2010: гл. 3].

Советский Союз: взгляд с далекой окраины

В этой книге история Советского Союза представлена с точки зрения, пространственно закрепленной на периферии. Взгляд с такой непривычной позиции позволяет увидеть СССР в неожиданном свете. Мы можем наблюдать, во что на самом деле выливались политические меры, разработанные в центре: как они реализовались на практике в местных условиях, которые нередко очень отличались от столичных. Студенты, изучающие советскую историю, увидят, каким представлялся Советский Союз при взгляде из Ташкента или Бухары, и если увиденное покажется им хотя бы отчасти непривычным, я буду считать, что достиг цели.

Участие коренных элит, с их особенным пониманием смысла революции и с их собственными надеждами, оказало существенное влияние на формирование советской власти. Кроме того, события местного масштаба определили развитие советской власти в гораздо большей степени, чем события общесоветские, вплоть до того, что общепринятая периодизация раннего этапа советской истории очень мало дает для понимания того, что происходило в Средней Азии. В результате прекращения субсидий от центра, переход от «военного коммунизма» к «новой экономической политике» (нэпу) повлек за собой окончательное опустошение и без того крайне скудных бюджетов, в остальном же он практически ничего не изменил. Гораздо более заметное воздействие произвела консолидация советской власти в этом регионе, для которой требовалось установить контроль над сельской местностью, а значит, победить басмачей и перестроить во всем регионе разрушенную инфраструктуру. Лишь к 1923 году советские государственные институты обрели достаточную уверенность в своей власти над регионом и смогли задуматься о внедрении советских законов и осуществлении общесоветской политики. Одним из таких шагов стало национальное размежевание, которое многие рассматривали как вторую революцию в Средней Азии – революцию, призванную укрепить основы советской власти. Вслед за созданием национальных республик, в 1926 году последовало открытие идеологического фронта, целью которого стало утверждение идеологической грамотности в культурном производстве и вытеснение джадидов, которых стали теперь называть «старыми интеллектуалами» (эски зиёлилар), с того видного места, что они занимали в культурном поле. И выбор времени, и определение важнейших задач этой кампании были связаны в гораздо большей степени с местными задачами (с тем самым ощущением своей политической силы в интересующем нас регионе, которое недавно обрела партия), нежели с какими-то инициативами центра. Подобным же образом, чистку в Наркомпросе Узбекистана в 1929 году нельзя связывать с культурной революцией в том смысле, в котором ее определяет Фицпатрик. Мало того что этот термин никогда не использовался, но к тому же главной задачей этой чистки было «очистить» комиссариат от национализма, а не сделать его пролетарским.

Национальность, понимаемая каким-то извращенным образом, обрела для Советского государства в Средней Азии первостепенную важность. Советская национальная политика оказалась очень полезной для создания национальных республик, но так и не опередила по значимости классовую политику. Поэтому советские деятели с подозрением относились к джадидам из-за их склонности мыслить прежде всего в категориях нации. К концу 1920-х годов одержимость советских властей борьбой с «национализмом» привела к тому, что понятие национальности оказалось в центре их внимания. Самые страшные политические преступления, в которых тогда обвиняли представителей среднеазиатских элит, – это «национализм», «искажение национальной политики», а не уклонение вправо или влево и не что-то такое, что было непосредственно связано с классовой принадлежностью. К 1937–1938 годам из-за обвинений в национализме нарушилась преемственность в рядах узбекской интеллигенции.

Всемирное и местное

Многое из сказанного о национальном проекте в Средней Азии покажется знакомым студентам, изучающим национальные феномены по всему миру. Настаивая на том, что нация – не природная данность, но воображаемая сущность, которая формируется в определенных исторических условиях, я стремлюсь поместить изучение Средней Азии в широкий сравнительный контекст. Надеюсь, что мне удастся освободить этот регион и его историографию от экзотического флера и отойти в разговоре об истории Средней Азии от одностороннего понимания как ее особенностей и уникальности, так и безусловного зла, причиненного советской системой. В то же время я часто обращаюсь к местным реалиям, с тем чтобы обозначить многочисленные местные обстоятельства и особенности, которые определяли лица Средней Азии. Рассматривая все обозначенные темы, я стремлюсь привести в равновесие две составляющие – глобальную и локальную.

События, происходящие в Средней Азии, я рассматриваю в двух разных контекстах. Первый связан с Советским Союзом. Февральская революция 1917 года дала импульс многочисленным национальным движениям, которые стремились к различным видам автономии и к созданию национальных культур. Творческий взрыв в сфере культуры, эксперименты с новыми формами культурного производства и активное принятие современности со стороны узбекской интеллигенции обнаруживают параллели и во многих других частях СССР [Слезкин 2007; Moss 2009; Modernism in Kyiv... 2010; Makaryk 2004; Ilnytzkyj 1997; Shkandrij 1992]. В этой связи большевики выработали национальную политику, направленную на то, чтобы предупредить проявления национализма, и взяли на себя удовлетворение определенных ключевых культурных потребностей для целей «советского строительства», а также занялись созданием системы национальных автономий в рамках советского единства. Так был сформирован институциональный ландшафт, в котором национальная интеллигенция могла стремиться к тому, чтобы осуществить свою программу культурных преобразований. В последующих главах я обращаю внимание читателей на подобные же обстоятельства в других советских республиках, но у меня нет возможности указывать на такие параллели всякий раз – просто потому, что объем книги ограничен.

Еще один контекст, в котором я рассматриваю происходящее в Средней Азии, представлен более широким мусульманским миром того времени, прежде всего Турцией, но также и землями, непосредственно граничащими со Средней Азией, – Афганистаном и Ираном. Этим странам также пришлось пройти через реализацию национальных проектов (с разной степенью интенсивности), через внедрение новых культурных форм, а также через пересмотр места ислама и улемов. В этих случаях позиция государства в отношении реформ была совершенно иной, и тем не менее ситуации обнаруживают удивительное сходство. В частности, узбекские интеллектуалы уже давно рассматривали Турцию как своего рода образец для подражания, однако советское государство, осуществляя собственную политику в Средней Азии, внимательно наблюдало и за развитием событий в этих странах. Изменения, происходившие в Средней Азии (настойчивая национализация дискурса элит, культурный радикализм, новые представления о месте женщин в обществе, вытеснение ислама из общественной жизни), до сих пор остаются малоизвестной составляющей в новейшей истории мусульманского мира, даже при том, что обнаруживают много общего с подобными же изменениями в других местах. Я надеюсь включить Среднюю Азию в эту историю.

В более широком смысле мне хотелось бы содействовать формированию более беспристрастного взгляда на историю двадцатого века. По мере того как век этот уходит в прошлое, возникает тенденция видеть в нем исключительно триумф либерализма и свободного рынка и отрезаться от страстей, возбужденных идеями революции и радикальных преобразований.

Именно поэтому очень важно вспомнить о том, сколь многих всколыхнули эти страсти и сколь неожиданные повороты судьбы подстерегали их на пути к заветным целям.

Примечание об источниках

В этой книге я старался использовать русские и среднеазиатские источники таким образом, чтобы они звучали как бы контрапунктом. Узбекские и таджикские источники (местная периодическая печать, новая художественная проза, педагогические материалы) отражают надежды и чаяния (и конкретные действия) представителей среднеазиатской интеллигенции, из которых многие, как уже было сказано, вошли в состав советского государственного аппарата. Кроме того, они позволяют нам понять, каким советский режим стремился быть в глазах коренного населения. Основная часть этих материалов существует на узбекском языке, хотя многие важные произведения были написаны на персидском (или таджикском, как его стали называть). Расцвет периодической печати начался после революции. В 1917 году в Средней Азии возникла независимая пресса, которая первое время активно развивалась. Вскоре, уже в 1918 году, независимости этой прессы был положен конец, однако «красная печать», возникшая годом позже, стала ее непосредственной преемницей, площадкой для споров на местных языках об обществе, о его настоящем и будущем, и споры эти нередко велись с использованием гибридного политического языка, который очень хорошо отражал противоречия того времени. Я систематически обращаюсь к прессе того времени.

Результаты изучения местных источников я проецирую на содержание документов из официальных архивов²⁶. В архивах этих нет «истины», но они позволяют нам рассмотреть эпоху с такой степенью подробности, о какой невозможно было и помыслить до того, как около 1990 года они были открыты. Особенно полезны (и наименее проблематичны) документы различных государственных ведомств, деятельность которых была связана с кругом вопросов, рассматриваемых в этой книге. Именно здесь, в рутинных записях правительственных резолюций, ходатайств, бюджетных заявок и прочих делопроизводственных документов, мы видим наших главных героев в действии. Однако политику определяла Коммунистическая партия, которая закрепила за собой монополию на принятие политических решений в новом революционном государстве. В ее архивах хранятся секретные документы, свидетельствующие о том, как политические меры обсуждались, оформлялись законодательно и внедрялись. Протоколов там гораздо больше, чем отчетов; они довольно лаконичны, редко свидетельствуют о напряженности разногласий и степени взаимного недовольства участников совещания. (Особенно ярко проступают различия в тех единичных случаях, когда удается найти и отчет, и протокол совещания.) Тем не менее партийные документы дают нам бесценную возможность проследить, как формировалась политика, а также какие представления и взгляды определяли ее формирование.

Самый проблематичный источник из всех, использованных в этой книге, – это целая гора документов, произведенных спецслужбами, которые, меняя с годами свое название, были последовательно известны как ЧК, ГПУ, ОГПУ и НКВД. Сами архивы спецслужб остаются закрытыми для исследователей – и в России, и в Средней Азии²⁷, однако дубликаты некоторых документов можно обнаружить в партийных и государственных архивах, а начиная с горбачевских лет значительная их часть даже была опубликована. Такие материалы включают несколько видов документов: сводки полевых отчетов, предназначенные для глаз государственных деятелей; доносы и показания различных физических лиц; а также обвинительные заключения и

²⁶ Более развернутый анализ проблем, затронутых в следующих абзацах, представлен в моей работе [Khalid 2008].

²⁷ В России, при выполнении определенных условий, доступ к документам ЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД получить можно. В Узбекистане архивы спецслужб были открыты для местных исследователей, но с очень строгими ограничениями; открыли их прежде всего для того, чтобы появилась возможность реализации национального проекта по увековечению памяти национальных мучеников и «жертв репрессий». Исследователям разрешено частично публиковать архивные документы в перепародированном виде, а приводить точные цитаты, по всей видимости, нельзя.

«признания» жертв. Специалисты по истории Средней Азии особенно широко использовали сводки как удобные источники малодоступной информации. Однако очевидно, что обращение к ним как к правдивому отражению реальности весьма проблематично. Аккуратно напечатанные документы, лежащие в архивах и приветливо манящие исследователей, содержат множество литературных наслоений, пробиться сквозь которые можно лишь путем многоступенчатого перевода. Основаны эти сводки на полевых отчетах, составленных предположительно «туземными» информантами, которые владели местными наречиями. Затем профессиональные переводчики переводили их на русский язык, после чего их сокращали, аннотировали и структурировали, превращая в сводку, достойную быть представленной пред светлы очи высоких читателей. То был сложный производственный процесс, о котором известно очень мало, причем каждый из его этапов всё более отдаляет нас от той «реальности», которую стремился изначально изобразить шпион. Здесь следует говорить о переводе не только лингвистическом (с узбекского, казахского или таджикского языков на русский), но и концептуальном. В таких сводках у жителей Средней Азии часто обнаруживается очень странный подбор слов – скорее всего, потому, что переводчики переводили отчеты с «мусульманского» политического языка на «большевистский», – отчасти рефлекторно, а отчасти чтобы сделать смысл текста доступным пониманию предполагаемых читателей²⁸. В конце концов, сводки оказались полезными прежде всего в качестве каталогов тех страхов и опасений, которые вызывал режим, а также различных способов искажения реальности, которыми этот режим пользовался. Помимо прочего, следует помнить о том, что в политике той эпохи спецслужбы были источником предвзятых суждений. Их сотрудники направляли логику рассуждений, которой руководствовались органы политической власти; она давала советы партийному руководству и активно стремилась формировать официальную политику государства. Вряд ли делопроизводственные документы этой организации можно считать нетенденциозными.

Показания (часто это подробные рассказы, написанные обвиняемыми в серьезных политических преступлениях) во многих случаях представляют собой еще более сложные тексты, содержащие элементы автохарактеристики, самооправдания, попыток объяснить, а также сторговаться с тюремщиками. Наряду с доносами, их следует интерпретировать как стратегические тексты. Признания, которые сами представители режима нередко с гордостью публиковали (самый известный пример – стенографический отчет из зала заседаний последнего показательного суда над «троцкистской» оппозицией, состоявшегося в 1938 году, где обвиняемые признались в нелепых обвинениях, выдвинутых против них со стороны НКВД и незамедлительно опубликованных на нескольких иностранных языках), могут быть полезны только в качестве свидетельств о «законных» (процедурных?) уловках, с помощью которых органы завлекали своих жертв в ловушку. Из этих документов несколько были опубликованы, и все же они исключительно мало свидетельствуют о том, сколь сложной была та эпоха. Тем не менее я использую подобные документы в своих рассуждениях – преимущественно для того, чтобы обозначить позицию ЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД по определенным вопросам. Историки вынуждены использовать эти документы, но к их содержанию следует подходить с должным скептицизмом и дистанцироваться от той позиции, которую они выражают.

Чего нам действительно недостает, так это эго-документов, которые позволили бы нам заглянуть в частные миры наших главных героев. Многие из них собирали личные архивы, вели дневники и активно переписывались с единомышленниками. Из всех этих материалов практически ничего не сохранилось после нападения политической полиции на интеллигенцию. За арестами следовала конфискация всех личных документов. Что стало впоследствии

²⁸ Шпионских полевых отчетов я в архиве не нашел, однако во многих других случаях, когда в делах советского времени удавалось отыскать русскоязычный и местный варианты одного и того же документа, расхождения между ними нередко оказывались значительными.

с этими документами – были ли они уничтожены или, возможно, до сих пор лежат в каком-нибудь ташкентском или московском подвале, – по-прежнему неизвестно. В результате о наших главных героях как о людях известно гораздо меньше, чем нам бы хотелось. Несмотря на относительную хронологическую близость к нам, среднеазиатские интеллектуалы раннесоветского времени очень от нас далеки. Мы можем изучать их работы, однако их жизни словно окутаны туманом. Именно по этой причине я старался преодолеть искушение и избегать психологизации образов тех людей, о которых рассказывал. Тем не менее я надеюсь, что мне удалось представить их фигуры неоднозначными, показать, что в своем стремлении определить границы нации и повести ее вперед они не только подчинялись чувству долга, но искали для себя новые возможности, что их политическое бунтарство было связано с поколенческим и что любовь к нации у них сплеталась с отвращением к ее нынешнему состоянию.

Все главы, следующие за первой, можно разделить на три группы. В главах 2–5 прослеживается беспокойная политическая жизнь интересующей нас эпохи вплоть до 1924 года. Каждая глава посвящена особому национальному проекту: в них рассказывается об автономном Туркестане в период Февральской революции, об автономном Туркестане после прихода советской власти, о попытках создания современной мусульманской республики в Бухаре и, наконец, о проекте советского государства по созданию советской Средней Азии. В главах 6–9 речь идет о культурной революции того времени. Культурный радикализм рассматриваемого десятилетия представлен особенно ярко за счет того, что приводятся важнейшие тексты и описываются важнейшие споры, в том числе о месте ислама в обществе. В первую очередь они знаменуют собой триумф национальной идеи в Средней Азии и проясняют процесс создания Узбекистана и Таджикистана как двух отдельных национальных республик. В главах 10–12 отражены политические и культурные трансформации периода после 1926 года, когда партия открыла идеологический фронт и принялась устанавливать свою монополию в культурной политике. Основное повествование охватывает период вплоть до чисток в Наркомпросе и до кампании против предполагаемых национальных тайных обществ в 1929–1931 годах, но глава 12, разумеется, включает и окончательное уничтожение узбекской интеллигенции в 1938 году. Я надеялся создать связное повествование, предлагающее единую интерпретацию всех изменений, произошедших в Средней Азии в раннесоветский период. Эта книга обращает внимание историков на те споры по вопросам культуры в Средней Азии, о которых до сих пор писали очень мало. В ней рассказывается о происхождении современных наций в Средней Азии; наконец, это своего рода элегия, посвященная памяти двух потерянных поколений среднеазиатской интеллигенции.

Глава первая

Интеллигенция и реформа в Средней Азии при царском режиме

В период политического либерализма, начало которому положила революция 1905 года, Мунаввар Кары Абдурашидханов писал об общественной ситуации в Туркестане следующим образом:

Вся наша натура, действия, образ жизни, высказываемые слова, и школы, и медресе, и методы обучения, и нравственность находятся в упадке... Если будем продолжать таким образом еще пять или десять лет, то мы окажемся в опасности быть задавленными под ногами более развитых народов и покоренными ими... Эй вы, единоверцы и соотечественники! Давайте будем справедливы, сравним свое положение с другими более развитыми народами; осмыслив свое положение, мы должны стремиться осуществлять реформы. Открыв своим последующим поколениям светлую перспективу, освободим их от рабства и служения другим народам. Как европейцы вырвали из наших же рук бразды правления из-за нашего неведения и невежества, так же они постепенно отбирают наши профессии и торговлю. Если срочно не устремимся к изменению своего положения для защиты себя, нации и последующего поколения, то наше будущее весьма плачевно.

Реформа начинается с ускоренного развития наук, соответствующих современности. Знакомство с современными науками зависит от реформы наших школ, медресе и методов обучения²⁹.

Сложившееся у Муннавара Кары ощущение кризиса и нависшего проклятия, как и его веру в силу знаний и образования, в то, что они могут стать панацеей от всех недугов общества, разделяли многие представители коренной интеллигенции Туркестана. Всеобъемлющие преобразования они считали единственной гарантией выживания в современную эпоху, когда из-за «небрежения и невежества» суверенитет уступил место колониальному режиму. Мусульманское общество должно культивировать современные знания и создавать элиты, способные действовать в современном мире: только так ислам и мусульмане смогут достичь процветания и, безусловно, обеспечить выживание своему сообществу в этом мире, созданном колониализмом. Ключевыми понятиями этого культурного проекта стали «тараккий» (прогресс) и «маданият» (цивилизация). Оба эти понятия не использовались ни с какими прилагательными, которые сужали бы их значения, и воспринимались как универсальные: прогресс и цивилизация необходимы любому обществу и достижимы для всех, кто прикладывает достаточно усилий для культивации знаний. В своей агрессивной-модернистской интерпретации ислам оказался полностью совместим с современными формами знаний и с понятием о прогрессе. Как и многие другие модернистские течения в колониальном мире, джадидизм в то время создал новые представления о мире, в процессе преодоления противоречий между аутентичностью и современностью. Само сообщество в новом представлении стало нацией, привязанной к определенной истории и определенной территории. Джадиды обосновывали это представление с осознанных исламских позиций, что привело их к совершенно модернистскому пониманию

²⁹ Мунавваркори Абдурашидхон ўгли. «Ислох не демакдадур». Хуршид, 28.09.1906; эта статья доступна теперь на английском языке, в моем переводе, под названием «What Is Reform?» (в изд.: *Modernist Islam: A Sourcebook, 1840–1940* / ed. Charles Kurzman. New York, 2002. P. 227–228).

собственной религии, при котором ислам виделся совершенно совместимым с современной цивилизацией и с понятием нации³⁰.

В полтора десятилетия, предшествовавших 1917 году, сформировался проект культурных преобразований, основанный на этой критической позиции. Реформистская критика была направлена почти исключительно и непосредственно на само местное общество. Главным требованием стало реформирование мектеба, традиционной начальной школы, и внедрение в ней нового (то есть фонетического) метода обучения алфавиту. Проект реформистов также включал создание новых видов знаний (по истории, географии и собственно исламу), создание новых видов социальности (благотворительные общества, театральные группы) и публичных пространств. Главными площадками для пропаганды реформаторских идей стали пресса и театр, возникшие благодаря новым интеллектуальным технологиям, которые принесла с собой колонизирующая культура. Предлагаемая реформа была преимущественно связана с идеей нации, которая, в свою очередь, влекла за собой и новые амбиции, и новые обязанности. После утраты суверенности именно на нацию легла ответственность за то, чтобы вытянуть себя за волосы из болота, а для этого внутри самой нации должны были выделиться группы лидеров, которые бы приняли на себя этот долг и стали бы его выполнять. Выступая на национальных языках в периодической печати, которая существовала с переменным успехом начиная с 1906 года, а также на театральной сцене, реформаторы убеждали местное общество исправиться, осуществить реформу мектеба и создать новые школы. Они умоляли улемов и богачей исполнять свой долг и критиковали их, когда они не делали этого. Улемы должны были использовать свой авторитет, чтобы вновь обратить общество к «истинному исламу», осуждая укоренившиеся обычаи, такие как посещение святынь, празднества (туй), связанные со значимыми событиями жизненного цикла, и еще множество других отступлений от буквального понимания ислама. Богатые должны были использовать свое богатство на благо нации и для этого организовывать благотворительные общества и финансировать школы, учреждать стипендии, издавать полезные книги, поддерживать театр. Реформистам удалось привлечь на свою сторону некоторых улемов, поборниками реформы стали и многие богатые купцы. Однако реформистская критика была одновременно и заявкой на лидерство, которая встретила противодействие. Реформистский проект был глубоко дискуссионным, и возникшие вокруг него споры сформировали почву для политического противостояния, которое развернулось в Средней Азии в раннесоветский период. Этот проект культурных преобразований претерпел изменения в результате революции 1917 года. Никто из персонажей, с которыми мы встречаемся в этой главе, не предполагал, что мир изменится настолько, как это случилось в 1917 году, и точно так же они не предполагали, что однажды им придется объяснять причины своих действий на языке пролетарской революции. Тем не менее на поле боя среднеазиатская интеллигенция вышла не с голыми руками. В 1917-м и в последующие годы она стремилась добиться своих целей, даже несмотря на то, что условия быстро менялись, а следом за ними – и те самые цели.

³⁰ В этой главе по большей части воспроизводятся рассуждения из моей более ранней работы [Khalid 1998]. К ним я добавил ссылки на более поздние исследования, но в целом постарался свести их количество к минимуму.

Авторитет и лидерство в мусульманском обществе

Это стремление к преобразованиям возникло в политических и культурных условиях, сложившихся в результате российского завоевания Средней Азии. Специфические институциональные структуры, которые Российское государство создавало в своих колониях и которым было свойственно сохранение особенностей и отказ от ассимиляции, сформировали взгляд «новой интеллигенции» на проблемы, с которыми сталкивалось местное общество, а также на пути решения этих проблем. Кроме того, российское господство сформировало то коренное общество, в котором зародилась эта интеллигенция и которое определяло социальные судьбы реформаторского проекта.

Россия была партикуляристской империей, где царь-император правил множеством разных регионов и социальных групп, и у всех у них был собственный правовой статус и специфические обязательства перед государством. Существование империи обеспечивалось сохранением этих различий. Причем в рамках этого разнообразия Туркестан занимал особое место. Его завоевание было в значительной степени обусловлено ситуацией имперской конкуренции с другими европейскими державами в ту эпоху, когда имперское господство над «нецивилизованными» народами совершенно определенно считалось одним из атрибутов цивилизации. Для русских, как и для других современников, наблюдавших этот процесс, не было никаких сомнений в том, что российское вторжение в Среднюю Азию осуществлялось в рамках захвата европейцами неевропейских земель в имперский период. Тот тип правления, который русские установили в Средней Азии, был скорее похож на колониальное правление других империй того времени, с которым русские обыкновенно его и сравнивали, нежели на правление в других нерусских регионах Российской империи³¹. Российское государство не стало включать существующие элиты в состав русского дворянства и не расширило на новый регион действующую во всей империи систему сословий и состояний. В целом социальная и политическая дистанция между правителями и подданными оставалась здесь самой большой во всей империи, возможно, лишь за исключением Сибири и Севера (где, впрочем, коренное население было более малочисленным и не представляло демографической угрозы господству русских). Средняя Азия была непохожа на всю остальную империю. Для К. П. Кауфмана, первого генерал-губернатора Туркестана и во многом архитектора российского правления в тех землях, ислам был воплощением этой непохожести. Кауфман считал, что регион можно включить в основной поток российской политической жизни, но лишь по прошествии времени. А в ближайшей перспективе этому препятствовал исламский «фанатизм» местного населения. Чтобы решить эту проблему, ислам следовало скорее игнорировать, чем противостоять ему: без государственной поддержки он сам начнет разлагаться. По этой причине Кауфман устроил так, чтобы юрисдикция Оренбургского магометанского духовного собрания – казенного учреждения, созданного Екатериной II для регулирования вопросов, связанных с исламом, в среде татарского и башкирского населения, – не распространилась на Туркестан. Вместо этого он положил начало политике игнорирования ислама, которая продолжала действовать, даже при всех сомнениях и единичных отступлениях, вплоть до 1917 года. Такое пренебрежение вело к тому, что ислам не имел никакого официального статуса, и его носителям не полагалось ни официального признания, ни полномочий³². Государство не стремилось контролировать мечети и медресе, оно не стало упразднять исламские суды, хотя и ограничило сферу их компетенции. Положением об управлении Туркестанского края (1886) должность исламского

³¹ Подробнее эта тема разработана в моей статье [Khalid 2009].

³² О духовном собрании см. [Азаматов 1999]. Духовные собрания существовали также и в Крыму, и в Закавказье, см. [Meuser 20076].

кади была сделана выборной, а его полномочия строго ограничены. Таким образом пренебрежение отнюдь не подразумевало, что ислам и исламские институты оставались неизменными – вовсе нет, это подразумевало лишь наличие некоторого правового многообразия³³. Такое сохранение различий вело к формированию двойственного общества, в котором мусульмане и русские колонизаторы сосуществовали в большой мере параллельно друг другу. Под управлением русских мусульманское общество занимало значительное автономное пространство.

Кроме того, игнорирование возникало вовсе не от отсутствия интереса. С самого начала русские стремились воздействовать на мнения мусульман. «Туркистон вилоятининг газети» («Туркестанская газета»), учрежденная Кауфманом в 1870 году, стала одним из первых (и просуществовавших особенно долго) тюркоязычных органов периодической печати в Российской империи. Начиная с 1883 года ее главным редактором был Николай Остроумов (1846–1930), выпускник Казанской теологической академии, где он учился у известного миссионера Николая Ильминского³⁴. В Туркестан он прибыл по рекомендации Ильминского, который ходатайствовал за него перед Кауфманом, и сделал там себе карьеру. Остроумов был весьма выдающимся востоковедом и поставил свои знания на службу империи. Его достижения в области востоковедения привлекли внимание властей, и он на многие годы стал экспертом-резидентом, знатоком всех сторон местной жизни, и власти постоянно запрашивали у него заключения по всем вопросам, связанным с исламом и мусульманами. Даже когда он писал полемические труды, направленные против ислама, он продолжал служить инспектором школ в Туркестане, директором учительской семинарии и редактором «Туркистон вилоятининг газети», к участию в которой привлекал местных авторов. Те споры, что кипели в мусульманском обществе, скорее выигрывали от того, что велись под бдительным присмотром Остроумова и не были пущены на самотек.

После завоевания мусульманское общество подверглось значительному переустройству. Поражение стало концом для прежних элит ханского времени: одних лишили имущества и сослали, другие эмигрировали в Афганистан или в китайскую часть Средней Азии, прочие же оказались понижены в статусе и остались простыми землевладельцами. Их же место заняли улемы и новая прослойка купцов-горожан. Улемы получили более высокий статус потому, что у них не осталось конкурирующих групп, а также потому, что теперь, после утраты региона мусульманской суверенности, они получили возможность претендовать на роль носителей нравственного авторитета. Кроме того, политика Кауфмана способствовала тому, чтобы улемы благополучно пережили завоевание. Благодаря тенденции к невмешательству изменения практически не коснулись медресе, а также статуса собственности вакуфов; хотя русские и стремились подчинить их своему регулированию, само понятие вакуфа не упразднилось, да и попытки регулирования оказались не слишком успешными. Была и еще одна область, в которой упрочивался авторитет улемов, – исламские суды.

Улемы приспособились к императорской власти. Как их собратья во всех других колонизированных землях по всему миру, туркестанские улемы признали российское правление законным. До тех пор пока русские позволяли совершать исламские ритуалы и не вводили запрета на шариат, улемы были готовы считать их власть законной. Улемы Туркестана сохранили свою автономию и продолжали действовать в рамках привычных социальных моделей, вне каких-либо форм бюрократизации или иерархии, ставших общепринятыми среди других групп мусульманского населения по всей Российской империи. Улемы сохранили за собой прежние источники своего нравственного и культурного авторитета и стали единственными столпами нравственности; в самом деле, упразднение племенных вождей, которые нередко

³³ У Паоло Сартори есть довольно много публикаций об исламских судах царского времени; для рассматриваемого здесь вопроса особенно важное значение имеет его работа [Sartori 2014].

³⁴ О миссионерском прошлом Остроумова см. [Geraci 2001: 55–56, 90].

соперничали с улемами, обеспечило последним во многом совершенно исключительное положение в обществе.

В новой колониальной экономике, основанной на хлопке и сложившейся в первые десятилетия после завоевания, выигравшей стороной оказались торговцы. К началу двадцатого века целый ряд богатых купцов (баев, агниё) превратился в новую городскую знать. Некоторых из них государство отметило званием почетных граждан; они стали действовать как своего рода посредники между государством и коренным населением. В Ташкенте, где имелась Городская дума, они занимали основную часть мест, выделенных для мусульман (по закону таких мест было не более трети от общего количества). Эти новые элиты достигли определенных компромиссов с новой властью, которая, в свою очередь, определила их соответствующие позиции в новой культурной политике Туркестана. Именно против такого соотношения сил и восставала «новая интеллигенция», настаивая на реформах. Этот призыв к реформированию содержал в себе одновременно заявку на лидерское положение в обществе и вызов авторитету сложившихся элит. Он породил значительный разлад в мусульманском обществе.

«Новая интеллигенция» была особой группой, которая себя таковой осознавала; члены ее сплотились на почве защиты реформаторских идей. Многие из них вышли из культурных элит Туркестана и обладали значительным культурным капиталом. Почти все они были очень молоды. Их претензии на знание истинного пути к спасению подрывали порядок, сложившийся после завоевания, а убежденность в ответственности и вине определенных лиц раздражала тех, чей авторитет они подвергали сомнению. В историографии представители этой интеллигенции известны как джадиды, поскольку они отстаивали «усул-и-джадид» – новый метод обучения алфавиту. Я также использую этот термин – в основном для удобства, однако следует отметить, что сами реформаторы чаще всего использовали термины «тараққийпарвар» («сторонник прогресса») и «зиёли» (буквально «просвещенный») ³⁵. Противники часто именовали их «ёшлар» («молодежь») или «жадидчи» («поборники новизны») – в пейоративном смысле. В обществе, где возраст порождал уважение, притязания молодежи на власть воспринимались как восхитительное бунтарство, которое, впрочем, легко было обратить в порок.

Многие из джадидов были полноправными улемами, а как группа они также пользовались поддержкой части улемов, как и части купечества. Целый ряд богатейших граждан Ташкента сообща основали благотворительное общество «Имдодия» («Поддержка»), которое финансировало школы, давало стипендии и организовало читальный зал. Однако для многих, если не для большинства баев, претензии джадидов оставались лишь хвастливой болтовней желторотых птенцов, стремящихся развалить мусульманскую культуру путем приспособления к русским. Отношения между новой культурной элитой, которая в своих претензиях опиралась на авторитет прогресса, цивилизации и требований эпохи, и традиционной элитой, обладающей культурным капиталом, укорененным в прошлом, всегда были напряженными. В Ташкенте особенно остро встал вопрос о поддержке джадидами театра. По свидетельству Лазиза Азиззоды, поначалу баи отстранили молодежь от участия в обществе «Имдодия», а затем даже прибегли к запугиванию и покушениям на убийства, чтобы молодежь знала свое место ³⁶. Когда джадиды вступили в эпоху Февральской революции 1917 года, их положение в обществе было очень шатким.

³⁵ Эти и подобные термины, такие как «равшанфикр» и «очик фикрли» – мыслящие просвещенно, широко использовались тогда в тюрко-персидском мире.

³⁶ Азиззода Л. Туркистоннинг ўғониш тарихи (рук. 1925/1967; ИВАН РУз инв. № 11895). С. 130–131.

География реформы

Джадиды во многом сохраняли принадлежность к более широкому мусульманскому миру. Самый действенный способ представить себе их воображаемую вселенную – обратиться к рассказу «Доктор Мухаммад-Яр», одному из первых написанному на узбекском языке, опубликованному в 1914 году тогда еще совсем юным Абдулхамидом Сулейманом. В годы после 1917-го Сулейману, выступающему под псевдонимом Чулпан, предстояло осуществить революцию в узбекской поэзии, но это юношеское произведение, написанное им в 16 лет, было полно искренности. Впрочем, искренность эта обнаруживает множество важнейших особенностей миропонимания джадидов. Мухаммад-Яр родился в «темном уголке Туркестана», однако отец его в юности повидал мир – когда странствовал по мусульманскому миру и по Российской империи, совершив хадж. Отец решил дать сыну образование «сообразно требованиям времени» и нанял татарина – выпускника уфимской медресе «Галия», чтобы тот преподавал ему основы необходимых знаний. Из-за безденежья Мухаммад-Яр не мог продолжить образование, а в том «темном уголке», где он жил, помочь ему было некому, хотя богатые купцы спускали целые состояния на пиры и празднества. Когда его отец был убит в уличной драке, ставшей результатом царящего в обществе невежества, судьба (при содействии просвещенных посторонних людей) занесла Мухаммад-Яра в Баку, и там благотворительное общество, учрежденное просвещенными мусульманами-миллионерами, живущими в этом городе, оплатило его обучение в гимназии. Благодаря усердию он показал лучшие результаты на выпускных экзаменах и был принят на медицинский факультет Санкт-Петербургского университета. Выпустившись оттуда, Мухаммад-Яр отправился в Швейцарию, дабы «набраться практического опыта» и отшлифовать полученные знания. Он вернулся – сперва в Баку, где два года читал лекции, исполняя свои обязательства перед благотворительным обществом, которое в значительной части профинансировало его образование, а затем и в родной Туркестан, чтобы стать «службой нации»³⁷.

Знания были для Мухаммада-Яра спасением, и стремление к ним возносило его вверх по лестнице современности и цивилизации, из «темного уголка Туркестана» – в Баку, город мусульман-миллионеров и благотворительных обществ, потом в Санкт-Петербург, столицу империи, и, наконец, в Западную Европу, то место, где обретались высочайшие формы знания. Взойдя на самую вершину этой лестницы, Мухаммад-Яр поступил добросовестно, возвратившись с полученными знаниями на родину и поставив их на службу нации. Для Чулпана в этом герое именно чувство долга заслуживает похвалы, а постепенная реализация его стремления к знаниям в точности отражает все разнообразие контекстов существования Туркестана. Туркестан помещался в центре целой системы расходящихся концентрических кругов: тюркский мусульманский мир, Российская империя и современный мир.

И тем не менее странствия Мухаммада-Яра отражали реальность не слишком уж точно. Лишь очень немногие выходцы из Средней Азии учились в России, не говоря уже о Западной Европе. Среднеазиатские джадиды отличались от большинства колониальных интеллектуалов тем, что колонизатор не обеспечил им моделей ни для политической деятельности, ни для вынесения эстетических суждений. Индийские национальные элиты давно уже получали образование на английском языке (и непосредственно в Англии), а колониальные подданные Франции приезжали на некоторое время поучиться в Париж. Между тем в Туркестане за полвека царской власти российское образование не достигло больших успехов. Надежды Кауфмана на

³⁷ Чўлпон А. Дўхтур Мухаммад-Ёр // Садои Туркистон. 04.07.1914, 25.07.1914, 10.08.1914, 26.10.1914, 05.11.1914, 12.11.1914. См. также мой перевод на англ. яз.: Doctor Muhammad-Yar // *Modernist Islam. 1840–1940* / ed. Ch. Kurzman. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 264–269.

то, что российские образовательные учреждения станут привлекать мусульман и превращать их в «полезных граждан», не сбылись, поскольку из мусульман туда поступали лишь единицы. Еще меньше мусульман поступали в высшие учебные заведения в самой России. Число туркестанцев с русским высшим образованием оставалось ничтожным. Самый доступный путь к изучению русского открывали так называемые русско-туземные школы, где с утра учились по русской программе, а после полудня переходили к традиционному мусульманскому образованию. Такие школы были устроены в 1884 году, когда администрация стала тревожиться, что лишь незначительное число мусульман учит русский язык. Поначалу дело у таких школ шло ни шатко ни валко, но затем их положение укрепилось, поскольку у многих возникала потребность в знании русского. К 1916 году в одном только Ташкенте было десять таких заведений, и члены Городской думы из числа коренного населения требовали организовать еще десять³⁸. В конце концов русско-туземные школы оказались успешными, однако отнюдь не по тем причинам, которыми руководствовались власти. Они должны были готовить переводчиков, которые могли бы стать посредниками между колониальным режимом и коренным населением. Возможно, они действительно выполняли эту функцию, но многие выпускники впоследствии, после 1917 года, стали опорой для партии и советского руководства.

Несколько джадидов также учились в русско-туземных школах, а из тех, кто там не учился, многие все же владели русским в той или иной степени. Тем не менее русский язык не стал главным каналом для трансляции новых идей. Для формирования мировоззрения джадидов гораздо более важным фактором стали различного рода дебаты в среде взаимно пересекающихся мусульманских сообществ – как в Российской империи, так и в Османской. Печатный станок, паровой двигатель и телеграф способствовали формированию нового межимперского сообщества интеллектуалов, члены которого впоследствии стали задумываться о существовании между ними связей нового типа, новых общностей и новых моделей деятельности. Это новое общественное пространство возникло в 1880-е годы, в период расцвета неофициальной османской печати и коммерческого книгоиздания в Османской империи³⁹. Пароходы и современная почтовая система обеспечивали попадание таких изданий в тюркоязычные сообщества Российской империи. В самой же Российской империи тюркоязычная печать существовала к тому времени уже более столетия, однако коммерчески успешных предприятий практически не было, и лишь немногие газеты получали дозволение на выпуск. Ситуация существенно изменилась в 1883 году, когда в Крыму, в Бахчисарае, была открыта двуязычная газета «Tercüman» (Переводчик), которая, при неустанных стараниях главного редактора Исмаил-бея Гаспринского, вскоре завоевала аудиторию, которая простиралась от тюркоязычных сообществ Российской империи далеко в глубь Османской империи и даже за ее пределы. Газета «Tercüman» оставалась единственным крупным неофициальным тюркоязычным периодическим изданием в Российской империи вплоть до революции 1905 года и завоевала столь прочное положение, что ее огромное влияние было решительно несопоставимо с размерами Крыма. В период политической либерализации, наступивший в Российской империи после 1905 года, тюркоязычные газеты стали открываться во множестве на территориях, населенных татарами, и в Закавказье⁴⁰. Конституционная революция в Османской империи дала толчок к развитию дерзкой независимой печати, которую продолжали читать и в Российской империи. Среди читателей этой прессы многие умели читать и на тюркском – даже те, кто не умел на нем говорить. Тюркская пресса послужила образцом для печати и в Иране, и в Афганистане. Для наших задач гораздо более важно, что часть этой аудитории составили и жители Бухары,

³⁸ Туркистон вилоятининг газетси. 18.06.1916; о требовании открыть больше школ см. [Khalid 2009: 426–429].

³⁹ Об османской печати см. работы [Oral 1967–1970; Duman 1986], которые по сей день остаются лучшими из написанного по этой теме.

⁴⁰ Обзор мусульманской печати в Российской империи, представленный в работе [Benningson, Lemerrier-Quelquejay 1964], до сих пор остается лучшим.

где языком культуры и делопроизводства с давних времен был персидский. И «Tercüman», и османские газеты (а после 1905 года также и татарские) представлялись бухарским читателям важнейшей платформой для распространения современных видов знаний [Айни 1926]⁴¹.

Газеты двух империй курсировали через границу, в те годы вполне проницаемую, в обоих направлениях. Газеты находили читателей в обеих империях, цитировали друг друга, перепечатывали друг у друга статьи и карикатуры и ссылались друг на друга как на «многоуважаемых коллег» (муътабир рафиқимиз). Одни и те же авторы писали для различных газет, действовавших в этом публичном пространстве. Существование таких пересекающихся читательских аудиторий создавало площадку, в рамках которой идеи, зародившиеся в различных политических ландшафтах России и Османской империи (и более широко по миру в целом), складывались в новые модели будущего. Кроме того, именно в этом общем публичном пространстве были выработаны новые политические, социальные и культурные модели. Разумеется, положение авторов и читателей по обе стороны имперской границы было разным: османские авторы были озабочены прежде всего поиском путей для укрепления государства, между тем как российских мусульманских авторов заботило другое, причем они не придавали большого значения роли государства как движителя реформ. Даже в «диссидентской» печати, которую организовали в Стамбуле выходцы из Российской империи, обнаруживается сложное отношение к османскому обществу. Писатели завидовали тому, что османы обладают суверенностью, но в то же время упрекали их в том, что они недостаточно интересуются другими тюркскими группами мирового населения и недостаточно пекутся о них [Volker 2002, chap. 5]. И все же, несмотря на все сказанное, в тюркоязычных газетах присутствуют некоторые общие темы. Их авторам хорошо были известны общепринятые модели прогресса, цивилизации, реформы, современности, языка и идентичности, – даже при том, что они с этими идеями полемизировали и занимали в их отношении очень разные позиции.

Впрочем, периодические издания были не единственным средством такой полемики. В этом публичном пространстве циркулировали также произведения художественной литературы и связанные с ними модели. Та новая литература, что возникла в Средней Азии, была обязана изменениям в мусульманском мире гораздо в большей степени, нежели чему бы то ни было, происходившему в русской литературе. Русские и шире – европейские влияния приходили в Среднюю Азию благодаря турецким, татарским или азербайджанским переводам. В области театра самым важным образцом послужили азербайджанские труппы, которые гастролировали по Туркестану с самого начала XX века, а вот современная поэзия, возникшая в те же годы, испытала влияние османских образцов.

Путешествия происходили по тем же моделям, что и развитие печатного слова. Если уж джадиды путешествовали (а многие из них путешествовали), то они отправлялись в другие мусульманские земли. Многие совершали хадж, в ходе которого посещали Индию, Афганистан, Иран и Египет. Однако важнейшим пунктом назначения был Стамбул⁴². Привлекательность Османской империи для мусульман-реформаторов объясняется не исконной религиозной или этнической общностью (как подразумевают термины «панисламизм» и «пантюркизм», которыми часто злоупотребляют), а, скорее, тем фактом, что Османская империя была самой сильной, (почти) суверенной мусульманской державой. Восхищение османами вызывало много вопросов в политическом плане, поскольку русские (и чиновничество, и интеллигенция) в каждом подобном шаге усматривали пантюркизм и панисламизм. Царская охранка была убеждена, что «турецкие эмиссары» расхаживают по царским землям практически без ограничений, и российским мусульманам постоянно казалось, что они должны доказывать свою преданность царю, а затем подтверждать ее снова и снова.

⁴¹ Сообщение о чтении в 1890-е годы в Бухаре стамбульских газет см. в [Дониш 1992:91].

⁴² См. [Сап 2012; Meyer 2007a].

Совсем не обязательно было путешествовать на большие расстояния, а личная мотивация не обязательно должна была быть такой уж абстрактной. Лазизу Азизоде, отпрыску ученого семейства, ученику медресе Бегларбеги в Ташкенте, достаточно было сесть в трамвай и отправиться в новый город, чтобы открыть для себя новый мир. Летом он еженедельно ездил в парк, расположенный в новом городе, чтобы послушать симфонию Успенского. «Разноцветные сады, красиво одетые русские барышни и девушки (и татарские девушки, чьи лица покрыты платками)» производили на него глубокое впечатление.

В новом городе чувствовал некую свободу, – писал он многие годы спустя. – В такие минуты жизнь старого города казалась преисподней, а новый город раем, так как в старом городе не было ни парка, ни театра, ни зеленых деревьев. Летом господствовала пыль, зимой грязь [Азиз-зода 1974: 20].

Впечатление оказалось настолько глубоким, что в 1913 году он «совершил небольшое изменение в быту»: он стал обедать за столом и пользоваться ножом и вилок, а свой дом украсил «в полужуревском стиле». Кроме того, жена его одевалась по европейской моде и выходила из дома без паранджи [Азиззода 1974: 12–13]. Несомненно, когда Азиззода писал о своей мотивации по прошествии шести очень тяжелых десятилетий, он, возможно, несколько преувеличивал преднамеренность своего поведения, однако описанные им сложности и искушения, несомненно, имели место. Западное платье и привычки фактически стали заявлениями об определенной культурной ориентации, – заявлениями, подобные которым сделали в свое время многие джадиды. Хамза Хакимзаде Ниязи поразил Коканд своим пристрастием к модной одежде ничуть не меньше, чем любовью к скрипке. (Их противники, разумеется, использовали слово «джадид» в значении «франт», «пижон», а то и хуже.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.